

ВАЛЕНТИНА ЗАЙЦЕВА

18+

ДВОЙНИК
ПОД
ПРИКРЫТИЕМ

Валентина Зайцева

Двойник под прикрытием

«Издательские решения»

Зайцева В. В.

Двойник под прикрытием / В. В. Зайцева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-642026-7

Сергей Болконский. Глава преступной группировки, настолько могущественный, что контролирует чиновников. А кто я? Я — невидимка. Как специалист по наблюдению, я несколько лет наблюдаю за ним, и он ни разу не заметил застенчивую девушку, фотографирующую его. Но, когда красивая, но злая спутница попадает в автокатастрофу, СОРП получает уникальную возможность остановить его. Они используют пластическую хирургию, чтобы сделать меня похожей на нее, и отправляют меня в его особняк, вместо нее.

ISBN 978-5-00-642026-7

© Зайцева В. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	38
Глава 9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Двойник под прикрытием

Валентина Викторовна Зайцева

© Валентина Викторовна Зайцева, 2025

ISBN 978-5-0064-2026-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отказ от ответственности:

Эта книга является художественным произведением. Любое сходство с каким-либо живым или умершим человеком является чисто случайным. Персонажи и места являются плодом воображения автора и использованы вымышленно.

Валентина Зайцева

Глава 1

Елена

Я прячусь за возведенными мною стенами, сложенными так высоко, что даже представить себе не могу, что кто-нибудь, когда-нибудь сможет заставить их треснуть. Здесь безопаснее, внутри моего разума, где никто не сможет до меня добраться. Я думала, что останусь здесь навсегда... пока он не забрал меня.

Я влюбилась в Сергея Болконского задолго до того, как познакомилась с ним. Соблазнительный и уверенный, он воплощение настоящего мужчины. Сильный, решительный, целеустремленный.

Его холодное лицо источало царственную ауру, как у темного рыцаря, с резко очерченной линией подбородка, глубокими глазами и высоким носом, но, это лицо было настолько невыразительным, что оно было холодным, это лицо, которое мне было слишком знакомо. Эта твердая, загорелая челюсть, с идеальной тенью черной щетины, запечатлелась в моем сознании, когда я смотрела на неё изо дня в день. Его поразительные черты лица, сами по себе, были совершенством, но, этот человек был слишком холоден, до крайности, причудливое сочетание безупречности и фригидности, создающее холодное очарование, как у гордого короля темной ночи.

Я провела так много времени, глядя на его губы. Верхние твердые и суровые, нижние мягкие и угрюмо надутые, что знала, какое будет ощущение, когда они будут прикасаться к моим. Я настолько хорошо его выучила, что могла отличить была ли белоснежная рубашка, обтягивающая его широкую грудь, сшита портным в России или портным из Лондона.

Конечно, есть и другие криминальные авторитеты. Но, ни один из них не является столь печально известным, ни один не породил столько мифов и легенд, как Сергей Болконский.

Ходят слухи, что, каждую ночь у него новая женщина. Говорят, он убивает своих врагов голыми руками. Говорят, что в его особняке есть хранилище, от пола до потолка заполненное золотом, драгоценными камнями и правительство не осмеливается арестовать его, потому что у него так много денег, что он может обрушить экономику...

По крайней мере, последнее утверждение не соответствует действительности. Я знаю, потому что я вхожу в команду СОРП (Следственный отдел по раскрытию преступлений), которой поручено арестовать Сергея Болконского. Ох, мы очень стараемся. Мы просто постоянно терпим неудачу. Его организация огромна и невообразимо могущественна, защищена оружием, коррумпированными чиновниками и шифрованием. Он неприкасаемый, и хорошо это знает.

Наблюдать за ним было моей работой. Со временем, это стало моей одержимостью.

Когда, его черный лимузин въехал на пустынную строительную площадку торгового центра, огороженную высоким забором зеленого цвета, я была крошечным пятнышком вдалеке, сидящим в затемненном окне заброшенного кирпичного здания на окраине Москвы, расположенного в километре от него. Но, длинный объектив камеры, в процессе съемки, приблизил меня достаточно близко, чтобы я могла видеть номерные знаки на лимузине, который бродил по грязной, распаханной земле. Я видела татуировки креста на руках телохранителя, когда он открывал дверь лимузина. И, когда он вышел из машины, я посмотрела на него. Сергей Болконский.

Он как всегда, был безупречно одет, но, даже не взглянул вниз, когда его итальянские кожаные туфли были испорчены грязью. Он не обращал внимания на дождь, который шипел с аспидно-серого неба и мочил его волосы. Его пальто развевалось позади него, словно черные крылья дьявола. Он подошел к тому месту, где стоял другой мужчина, спрятавшись под черным зонтиком. Он остановился так близко и был таким высоким, что другому мужчине пришлось

смотреть вверх, на падающий дождь, чтобы удержать зрительный контакт с Сергеем, моргая и отплеываясь от капель. Внезапно, лицо мужчины побелело от страха. Я удерживаю кнопку спуска затвора камеры и делаю серию снимков.

Сергея Болконского боятся все, от мелких жуликов внизу до жуликов, в белых воротничках, наверху. Вы не будете баллотироваться на пост мэра в регионе, который он контролирует, если, он не скажет вам об этом, и не даст добро. Ходят слухи, что ты не сможешь баллотироваться на пост губернатора, без одобрения Сергея.

Контрабанда. Бизнес азартных игр. Оружие. Услуги охраны и прикрытия. Контракты на строительство на миллиарды рублей, полученные за счет взяток. Он не преступник, он настоящий мафиози. И, мы, а именно СОРП, не можем ничего этого доказать. Именно поэтому, я наблюдаю за ним уже три года. И, в какой-то момент, за это время..., я стала одержимой.

Это могло начаться, когда я слушала его телефонные разговоры или изучала видеозаписи с камер наблюдения. Его соблазнительный, темный и глубокий голос, почти гипнотический, завораживал, заставляя мурашки бегать по коже. Или, когда я была в здании через дорогу, телеобъектив приближал это невероятно красивое лицо так близко, что мне казалось, что я могу протянуть руку и прижаться щекой к его темной щетине. Это могло быть тогда, когда я была в соседнем гостиничном номере, прижав ладонь к стене, ощущая вибрацию, когда он занимался любовью со своей девушкой, прислонившись к стене. Он, настоящее зло в человеческом облике. И, он не просто мой враг, он мой заклятый враг. Я следила за множеством преступников, и Болконский – единственный, кого мне не удалось поймать. Я должна ненавидеть его.

Но, есть что-то в его грубой темной силе, что притягивает и удерживает меня. Он пугает меня, но, я не могу отвести взгляд. Я знала, что, если мы когда-нибудь встретимся, он полностью уничтожит меня. Он завораживающий, как торнадо, и соблазнитель, как край скалы.

Он поднял глаза. Я застыла. У меня перехватило дыхание, когда шок ударил в грудь. Даже, если это снилось мне бесчисленное количество раз, то как он смотрит на меня, эта часть всегда меня потрясала.

Я знала, что он меня не видит. Я была одета в черное, моя камера была окрашена в тускло-серый цвет, и я находилась глубоко в тени на двенадцатом этаже заброшенного здания. Но все это не имело значения, особенно, когда он смотрел прямо на меня.

Я ни у кого не видела подобного цвета глаз, как у Сергея. Поначалу, кажется, что они совершенно лишены цвета. Бледно серый цвет напоминает мне зимнее небо, которое вот-вот разразится поистине библейской ледяной бурей. Но, если вы будете смотреть достаточно долго, если вы действительно сконцентрируетесь, то увидите там слабый намек на синий оттенок. Достаточно синий, чтобы дать вам хоть какую-то безнадежную надежду. Прямо перед тем, как он полностью раздавит её.

Мой мозг знал, что он меня не видит, но мое тело – нет. Я посмотрела в эти застывшие глаза, и волна жара прокатилась по моему лицу и телу. Легкие болели, но, я не смела дышать. Я уже не была в километре от него. Я была там, рядом с ним, достаточно близко, чтобы можно было прикоснуться. Я чувствовала то же, что и он. Дождь, который падал на мою голову, ветер, который хлестал по моим щекам. Я чувствовала тепло его тела, мы были так близко. Он мог просто протянуть руку и схватить меня, одной большой рукой за шею, прижать к огромной, теплой стене своей груди, позволив мне дышать в его накаченные мускулы. Затем, он приподнял мой подбородок костяшками своих пальцев, нежно откинув мою голову назад...

Я сглотнула. Боже, у него было лицо короля, как будто его вырезали из каррарского мрамора. Этот элегантный нос и эти скулы, достаточно уравновешивающие сильную челюсть. Мощный. Повелительный. Великолепный. Как величественное творение Микеланджело.

Он начал наклоняться, и его губы приближались к моим...

– Елена, нам пора идти, – сказал голос мне в ухо.

Я потеряла всякое представление о комнате, в которой находилась. Моя душа была там, под дождем, с Сергеем, и когда я оторвалась от камеры, мне пришлось вернуться обратно на землю. Я неуверенно покачивалась на табуретке, моргая за очками, мое лицо покраснело от того, что я вообразила себе.

– Что? – я еле вымолвила хриплым голосом.

Виктор стоял рядом со мной.

– Они хотят, чтобы все вернулись в офис, – тихо сказал он.

Виктор Карпов – мой лучший друг и моя противоположность. Я маленькая, и то, как я держусь, заставляет меня выглядеть еще меньше. Он, неповоротливый большой мужчина. Я всего лишь специалист по наблюдению, он добросовестный полевой агент, за плечами которого множество громких дел. А там, где даже я не бегаю по коридорам, Виктор часто нарушает правила. С тех пор, как мы познакомились, он всегда был в одном шаге от увольнения. У него постоянно были выговоры за дисциплинарные проступки. Мы хорошо работаем вместе. Он не против того, чтобы я вела себя тихо и странно, и я делаю все возможное, чтобы контролировать его, чтобы он мог сохранить свою работу.

Он всегда немного помятый, как будто не спал всю ночь, но ему удается выглядеть хорошо; взлохмаченные светлые волосы, щетина, которую он потирает, когда думает, и поношенный костюм, который идеально подходит этому твердому телу. Черт, он горячий. Вначале, были времена, когда я кричала ему, что нет, ему действительно не следует игнорировать приказы и бежать в Белоруссию, чтобы, в одиночку, преследовать подозреваемого. На что, он щурил глаза и как бы смотрел на меня своим пылающим взглядом, от чего я проглатывала и...

А потом, он отводил взгляд, и между нами ничего не происходило. В один из вечеров, после слишком большого количества рома, он рассказал мне историю женщины, которую он потерял. Её смерть сокрушила его. Он был сломлен так, что я даже не знала, как это исправить, как ему помочь. Это разбило мне сердце, потому что, если кто-то и заслуживал счастья, так это Виктор Карпов. С того вечера, мы стали друзьями, и дружим по сей день.

Я снова посмотрела в объектив камеры.

– Подожди минуту, Виктор, – пробормотала я. Сергей снова отвернулся, продолжая разговаривать с побелевшим от ужаса мужчиной. Я молилась о том, чтобы сделать снимок чего-нибудь компрометирующего, например, конверта с деньгами, переходящего из рук в руки, чемодана с оружием. Но, я знала, что шансов мало. Ты чертовски умен, не так ли, Сергей?

– Нужно идти сейчас, Елена, – сказал Виктор. – Это Серафима. Она говорит, что ситуация критическая.

Я вздрогнула и начала быстро собирать свое снаряжение. Серафима Ульянова была главой всего московского офиса СОРП. Уничтожение Сергея Болконского было для неё приоритетом номер один. Поэтому, то, что она вывела нас из-под наблюдения, означало, что произошло что-то грандиозное.

Когда, мы уходили из заброшенного помещения, я бросила последний взгляд через плечо. Без моего увеличителя объектива Сергей был всего лишь черной точкой вдалеке, но я, все равно, не могла оторвать от него свой взгляд. У него очень сильная аура, она тебя засасывает. Все его знают, все о нем говорят. Он доминирует в любой комнате, в которую входит.

А кто, я? Я идеальный человек, чтобы наблюдать за ним. Меня никто не видит, никто не замечает.

Меня зовут Елена Николаева, и я максимально близка к невидимке, какой только может быть человек.

Серафима Ульянова, красивая и статная женщина за пятьдесят, у неё светлые густые волосы средней длины. Она часто носит их распущенными. Однако сегодня, она собрала их в высокий пучок, и её глаза светились ликующим волнением.

– Кто мне скажет, кто это? – спросила она, выводя фотографию на большой экран конференц-зала.

Мы с Виктором посмотрели на экран... и моя рука моментально взлетела вверх. Потом, я вспомнила, что это не школа, покраснела и попыталась сделать вид, будто только что надвинула очки на нос.

– Эм, это Марина Валерьевна Петрова. Девушка Сергея, – произнесла я.

Они были вместе уже около девяти месяцев. Она была красивой, с большими зелеными глазами и блестящими, гладкими светлыми волосами, но она мне не очень нравилась.

Через несколько недель, после знакомства, Сергей взял её с собой в командировку в Екатеринбург. Через камеры наблюдения я наблюдала, как Марина с важным видом шла по аэропорту с пустыми руками, в то время как одна из горничных Сергея тащила за ней, толкая перегруженную тележку, полную её багажа. Марина все время оборачивалась и кричала на неё, чтобы та поторопилась, а бедная горничная чуть ли не плакала.

– Все верно, Елена. Серафима усмехнулась.

– Около трех часов назад, когда Марина гуляла по магазинам в Париже, это произошло. Изображение изменилось, на нем появилась разбитая спортивная красная машина, капот которой обмотался вокруг высокого фонарного столба.

Я затаила дыхание.

– Боже мой! С ней все в порядке? Взволнованно спросила я.

Все остальные коллеги, за столом переговоров, удивленно уставились на меня. Марина была врагом. Затем, Серафима снисходительно посмотрела на меня, взгляды, которые я так часто получаю, и ответила.

– Она в порядке. Ничего серьезного. Удары и царапины.

Я снова покраснела. Я ничего не могу с этим поделать. Я просто любитель фотограф, я люблю заниматься наблюдением. Я не полевой агент, и я не такая закаленная, как другие.

– Это дает нам уникальную возможность, – сказала Серафима, наклонившись вперед над столом переговоров. Мне удалось связаться с Интерполом, и они сказали Сергею, что Марина получила серьезные ранения. Ничего опасного для жизни, но ей понадобится серия операций. Он не ожидает её возвращения в Россию в течение пяти недель.

Она подошла к двери и показала мужчине лет сорока пяти с прямыми черными волосами и белоснежной улыбкой.

– Это доктор Дмитрий Витальевич Кириллов. Он руководит командой пластической хирургии, которая помогает с нашей программой защиты свидетелей. Он все объяснит.

Доктор Кириллов занял позицию рядом с Серафимой.

– Мы собираемся взять одну из наших агентов-женщин и с помощью пластической хирургии сделать из неё точную копию Марины. После, мы отправим её обратно к Сергею, вместо Марины.

Секунд пять царил полная тишина. Затем стол взорвался громким хором вопросов.

Басовый грохот Виктора заглушил остальных.

– Это безумие! Вы не сможете сделать так, чтобы она выглядела точной копией Марины!

– На самом деле, мы можем.

У доктора Кириллова была восторженная улыбка ребенка, распаковывающего новую игрушку.

– Если субъект имеет подходящую костную структуру, правильный рост и телосложение, он может выглядеть идентично. И самое приятное в том, что Сергею сказали, что Марина получила травмы лица. Он ожидает, что ей сделают пластическую операцию. Это объяснит любые незначительные различия.

Господи, моя голова кружилась. Неужели кто-то, действительно это сделает, решиться на кардинальные изменения своей личности? Изменить все свое лицо? А потом ворваться

прямо в жизнь одного из самых устрашающих мужчин в мире. Ведь, ей придется с ним спать! В моем сознании возник очень конкретный, графический образ, какая-то неизвестная женщина-агент лежит на спине, с раздвинутыми ногами, мускулистое тело Сергея прижимает её к кровати, его нижняя часть тела поднимается и опускается.

Как только мое лицо вспыхнуло, Виктор заговорил снова.

– Кто?

– Я, – сказала Алина из дальнего конца стола для совещаний. – Серафима проинформировала меня перед встречей. Я уже вызвалась добровольцем.

Я обернулась, чтобы посмотреть на неё. Алина для меня очень много значила, как более сильная, красивая и старшая сестра. У неё длинные блестящие черные волосы, и она настолько хороша в боевых искусствах, что СОРП использует её для обучения новобранцев. Если, кто и мог выдать себя за Марину и выйти живой из всего этого, так это она. Но, мысль о том, что моей подруге грозит такая опасность, заставила меня похолодеть.

Виктор согласился с моими внутренними мыслями.

– Это слишком рискованно. Алине придется идеально подражать Марине, быть ее точной копией. Голос. Походка. Манеры. Все.

Его голос повысился. – Если что-то пойдет не так, он её убьет!

– Я знаю, что это очень опасно, – сказала Серафима. – Но, только подумайте, что это может нам дать, чего сможет добиться Алина. Все преступники откровенничают со своими подругами. Через несколько недель, она узнает все подробности его бизнеса. И, она будет прямо у него дома. Она сможет залезть в его документы, в его ноутбук... мы получим все необходимые доказательства, чтобы его поймать.

Ее лицо стало мрачным.

– И нам это нужно. У нас заканчивается время. Каждый день Сергей захватывает все больше территорий. Война между группировками может вспыхнуть в любое время.

Она вывела на экран еще одно изображение – карту Краснодарского края с территориями, нарисованными тремя цветами. Красный контролировался Марком Лукиным, конкурирующим боссом армянской мафии. Зеленый, территории контролировались Михаилом Полетаевым. А серыми управлял Сергей Болконский. Поначалу, три цвета были примерно равны; три державы находились в непростом перемирии, которое сводило насилие и разбой к минимуму. Но, по мере того, как Серафима передвигалась вперед, по последним девяти месяцам, серый цвет расширялся, как тень, падающая на регион, вытесняя двух других.

– Мы находимся в кризисной точке, – сказала Серафима. – Еще месяц, а может и два, и расширение Сергея вынудит двоих других ввязаться в полномасштабную войну между бандами. Мы не можем этого допустить!

Мы с Виктором мрачно кивнули. Под перекрестным огнем погибнут сотни невинных людей, пострадают мелкие предприятия, и экономике страны будет нанесен существенный урон.

А для Серафимы, эта битва была личной. Сергей мог вести войну с другими криминальными авторитетами, но, будучи главой СОРП в Москве, она была его настоящим врагом. Эти двое сражались годами; она производила аресты, собирала улики и производила обыски в его недвижимости по всей стране, а он предлагал алиби и дорогих адвокатов, и каждый раз ускользал на свободу. Иногда, когда мы допрашивали одного из людей Сергея, нам передавали сообщение, всегда скрупулезно вежливое, обычно с легкой насмешкой. «Сергей Болконский говорит, вам нужно получить стараться». Ходили слухи, что однажды они действительно встретились лицом к лицу на коктейльной вечеринке и обменялись словами. Ради этого, мне бы хотелось оказаться мухой на стене.

– Мы должны это сделать, – произнесла Серафима. – У нас больше никогда не будет такой уникальной возможности, и это наш единственный шанс остановить кровавую войну

между бандами, и не дать Сергею взять контроль над портом. Послезавтра, доктор Кириллов будет оперировать Алину. Елена, я хочу, чтобы ты собрала всю имеющуюся у тебя информацию о Марине. Я также организую перелет Марины в Москву, чтобы мы могли её допросить. Парижские власти обнаружили в её машине кокаин и амфетамины, поэтому ей грозит тюремное заключение. Если она не заключит с нами сделку и не будет сотрудничать, то для неё это конец. Даже Сергей не сможет её спасти.

Когда мы выходили из конференц-зала, Виктор схватил меня за руку и потащил на лестничную площадку. – Мы не можем позволить им отправить Алину в постель Сергея!

– Я знаю! Но... Я беспомощно пожала плечами. – Что мы можем сделать?

Он сжал губы и украдкой огляделся по сторонам. Плохое предчувствие охватило меня. Я знала, что Виктор что-то замышлял.

– Сергей завтра вечером будет в Санкт-Петербурге, на каком-то экономическом форуме. Он останется на ночь в гостинице.

Он внимательно посмотрел на меня, наблюдая за моей реакцией.

– Значит, у него будет номер в гостинице. Мы успеем приехать в Санкт-Петербург сегодня.

Я тяжело вздохнула.

– Виктор, если бы все было так просто, мы бы арестовали его много лет назад. Мы никогда не получим ордер на обыск его гостиничного номера. Большинство судей находятся у него на зарплате. У нас нет никакого шанса.

Виктор просто посмотрел на меня.

– Пожалуйста, – сказал он, оставив фразу «*Не будь наивной*» невысказанной.

У меня отвисла челюсть.

– Ты с ума сошел, Виктор! Ты предлагаешь обыскать его номер в гостинице без ордера? Ты имеешь в виду взлом? Все, что мы обнаружим, мы не сможем использовать ни в суде, ни в качестве доказательств!

– Я знаю, знаю! Но, возможно, мы сможем найти что-то, что даст нам преимущество. Встречи, места... что-то, что позволит нам спланировать арест. Тогда, мы сможем отговорить Серафиму от этого безумного плана.

Я уставилась на него.

– Что, если тебя...

Он сделал шшш-жест, и я понизила голос.

– А что, если тебя поймают?! Ты попадешь в тюрьму!

– Меня не поймают, – сказал он, спокойно. – Не поймают, если со мной будет кто-то, кто сможет вести наблюдение. В его глазах что-то вспыхивает, но, я не обращаю на это внимания.

Мое сердце ушло в пятки.

– О, Боже. Нет! Нет! Точно нет. Я не поеду с тобой в Санкт-Петербург по какому-то незаконному, несанкционированному...

Я замолчала. Виктор смотрел прямо на меня, открытым и искренним взглядом, и я видела боль в его глазах. Я вспомнила, что он рассказывал мне о своем прошлом. Он не может потерять еще одного близкого ему человека.

– Пожалуйста, – умолял он.

Он был моим лучшим другом. Я не могла отпустить его одного. И, Алина для меня как старшая сестра. Если бы это, только, помогло уберечь её от опасности... Я вздохнула, и мои плечи смиренно опустились. Затем, я сдвинула очки на нос правой рукой.

– Хорошо, Виктор, – сказала я. – Пошли собираться.

Виктор облегченно выдохнул и обнял меня одной рукой за плечи.

– Спасибо тебе, – тихо прошептал он.

Глава 2

Елена

Я подумала, что у меня может случиться инсульт.

– Ну что, нашел что-нибудь? Я спросила Виктора, в десятый раз. Я чувствовала, как мой желудок крутит от нервов, а ладони потеют.

В моем наушнике звучал напряженный и запыхавшийся голос моего друга.

– Пока ничего.

Дела шли не лучшим образом. Я сильно беспокоилась. Мое сердце в бешеном ритме колотилось в груди. Я находилась в гостиничном номере, смотрела на экран своего ноутбука и использовала камеры видеонаблюдения гостиницы, чтобы следить за Сергеем Болконским. Прямо, через коридор, Виктор лихорадочно обыскивал гостиничный номер, в котором поселился Сергей. Мы сильно отставали от графика. План состоял в том, чтобы проникнуть в номер Сергея, как только он спустится вниз, чтобы присоединиться к вечернему мероприятию в рамках экономического форума, но, один из охранников гостиницы патрулировал коридор, и нам пришлось ждать, пока он уйдет. Виктор пробрался в номер Сергея всего несколько минут назад, и мы знали, что Сергей вернется вверх в любой момент.

– Что-нибудь нашел? – Я спросила еще раз.

– Нет! – рявкнул Виктор.

Напряжение нарастало. Я слышала удары, когда он выдвигал ящики и захлопывал их.

– Где он? – спросил Виктор.

– Все еще в банкетном зале, – ответила я.

Я наблюдала, как Сергей медленно бродил по залу. Я действительно могла видеть его силу в том, как толпа расступалась перед ним, благоговейная и испуганная. Как люди поворачивались, чтобы посмотреть на него, а затем шептались вслед за ним, провожая его своими взглядами. Пока я смотрела, Сергей встретился взглядом с кем-то в другом конце зала... и нахмурился. Всего лишь крошечное прищуривание этих холодных серых глаз, сжатие этих великолепных губ, но, этого было достаточно, чтобы человек, на которого посмотрел Сергей побледнел и отшатнулся назад, а затем полностью покинул зал. Явная, необузданная сила человека.

Господи, Виктор, поторопись. Я молилась про себя.

Я знала, что Сергей в любую минуту вернется вверх. Он прилетел на этот форум по делу, а не ради развлечения. Где бы он не был, будь то вечеринка или серьезное политическое мероприятие, гала-вечер, он на них никогда не задерживался. Как только заключалась последняя темная сделка, он возвращался в свою комнату, и начинал работать. Я никогда не встречала никого настолько сосредоточенного. Он никогда не брал отпуск. Похоже, у него вообще не было никаких пороков..., а если и были, то он прятал их в своем особняке.

– Ну, давай же! – Я просила Виктора. – Уходи оттуда, пожалуйста!

– Просто продолжай наблюдать за ним, – упрямо ответил Виктор. – Я хочу проверить еще шкаф.

Я стиснула зубы и от напряжения стучала ногой по полу. Если, мы не справимся с этим, не найдем чего-нибудь компрометирующего, Алине придется делать пластическую операцию и действовать под прикрытием. А если нас поймают, нас посадят в тюрьму. Я сосредоточилась на Сергее, пытаюсь отвлечься от того, насколько высоки были ставки.

Но, наблюдение за Сергеем имело свои недостатки. Он был повернут ко мне спиной, смокинг плотно облегал его широкую спину, ткань элегантно струилась V-образным вырезом к узкой, подтянутой талии. Ткань была настолько дорогой, настолько идеально черной, что казалось, будто он сшил её из куска ночного неба. Я представила, как прижимаю руку к его

спине, как моя ладонь ласкает шелковистую гладкость его пиджака, а затем горячую пульсацию твердых мышц под ней. Он намного больше меня по размеру... это было бы все равно, что прикоснуться к огромному медведю, зная, что он может в мгновение ока развернуться и прикончить меня.

Я протянула руку и провела пальцами по широкой спине Сергей, но все, что я могла почувствовать, это твердый холодный пластик экрана. На секунду мне захотелось...

Мне хотелось приблизиться к нему. Всего на секунду.

Потом я поняла, о чем я сейчас подумала, и похолодела. *Я схожу с ума? Неужели, после трех лет наблюдения за ним, я забыла, кто он такой?* Этот человек был чистым, неразбавленным злом.

И он, внезапно, начал двигаться, пересекая банкетный зал огромными шагами. У меня перехватило горло.

– Виктор, он идет! – Мне удалось вымолвить. – Виктор, ты слышишь меня?! Уходи отсюда!

Внезапный облегченный вдох Виктора. – Елена, я нашел его ноутбук!

– Мне все равно! Я нервно ответила Виктору. Будучи нетерпеливым, Сергей не стал ждать лифта. Он начал подниматься по лестнице, шагая через три ступеньки одновременно.

– Уходи отсюда немедленно, Виктор. Я прошу тебя, – просила я взволнованно.

– Ноутбук загружается, Елена, – прошептал Виктор.

Я слышала, как он стучал по клавишам.

– Аппаратный ключ? Что такое аппаратный ключ?

Я просматривала камеры, отслеживая движения Сергея.

– Он на нашем этаже! Двигайся! Уходи отсюда, Виктор!

Виктор выругался про себя. Затем, я услышала, как ноутбук закрылся.

– Торопись! Я умоляла его.

– Я должен вернуть его туда, где он был, – пробормотал Виктор. – Или, он узнает, что мы были здесь.

Я услышала шелест одежды, затем закрылись двери шкафа и шаги.

– Хорошо, выхожу...

Я проверила камеры видеонаблюдения, и мое сердце чуть не остановилось.

– Подожди!

Шаги Виктора остановились, когда он замер.

– Мы опоздали, – простонала я. – Он в коридоре! Он увидит, как ты выходишь!

Я чувствовала, как кровь отливает от моего лица. Это было намного хуже, чем быть пойманным службой безопасности гостиницы. Сергей, вероятно, имеет при себе пистолет. Если он найдет Виктора в своем номере, он в него выстрелит, а затем заявит полиции о самообороне.

Сергей подошел к двери своего номера. Я представила Виктора, стоящего по другую сторону двери, они были практически лицом к лицу. Оставалось сделать только одно.

– Прячься. Быстрее! Я сказала ему в отчаянии.

Я услышала шаги в наушнике. Виктор повернулся и побежал. Его дыхание, внезапно, стало эхом. *Ванная комната. Он прячется в ванной.*

Сергей открыл дверь в свой номер. Я затаила дыхание..., но не было ни крика шока, ни выстрела. Виктор, должно быть, вовремя скрылся из виду. Сергей вошел внутрь... и закрыл дверь.

Я сидела, застыв, глядя на экран. Виктор оказался в ловушке. И как только Сергей зайдет в ванную, Виктору конец. Сергей убьет его. Я начала паниковать. Дыши, Лена дыши. Что, черт возьми, мне делать? Я не была полевым агентом, как Виктор, я просто занималась наблюдением. Должна ли я вызвать полицию? Позвонить Серафиме? Мы зашли в номер гостиницы без какого-либо ордера на обыск. Нас арестуют, наша карьера закончится, и Сергей узнает,

что за ним следят. Сергей был слишком подозрителен, и, если нас поймают, то, тайный план Серафимы не сработает. Мы всё испортили! И, даже если бы я позвала на помощь, Серафима, вероятно, не смогла бы отправить подмогу вовремя. Сергей найдет Виктора в любую минуту.

Если только....

Мои глаза оторвались от экрана ноутбука. Я посмотрела в сторону коридора и номера Сергея.

Если только, кто-нибудь не отвлечет Сергея, пока Виктор ускользнет из номера.

Мое сердце остановилось. *Зайти туда?! К Сергею?!* Я не могла быть отвлекающим маневром, я всю жизнь прожила незамеченной. И, мне было очень страшно. Я боялась его.

Но, если я этого не сделаю, Виктор будет мертв.

Я побежала в ванную, снимая на ходу свой черный костюм с серой блузкой. У меня не было плана, у меня была идея, и у меня не было времени беспокоиться, хорошая она или нет. Обнаженная, я открыла кран на раковине на полную мощность и окунула голову. Подняв голову, я мельком увидел себя в зеркале и замерла. Это безумие. Для этого нужен был кто-то вроде Алины, кто-то красивый, уверенный в себе и храбрый. Но все, что там было, это я, с копной вьющихся каштановых волос, веснушками и испуганными зелеными глазами, моргающими за толстыми очками.

А внизу, на боку, уродливый приподнятый шрам. Причина, по которой я научилась быть невидимой.

Я схватила один из пушистых белых халатов и надела его, а затем выбежала в коридор, захлопнув за собой дверь нашего номера.

Я подняла руку, чтобы постучать в дверь его номера, но замешкалась. *Что, черт возьми, я делаю? Это был Сергей!*

Но, это был единственный шанс Виктора. Я не могла оставить его одного. Я постучала.

Далекие шаги, приближающиеся. Мои ноги дернулись от желания бежать, бежать, как можно дальше отсюда! Но, я заставила себя твердо стоять на своем. В глазах у меня помутнело, дверь искажилась. Я почувствовала головокружение и слабость.

Он распахнул дверь. И, я оказалась один на один с Сергеем.

Я думала, что привыкла к нему. Я провела, глядя на этого мужчину, больше времени, чем большинство супружеских пар проводят вместе. Но, это всегда было на расстоянии. Как бы близко я не видела его в объектив камеры, это было совсем не похоже на его присутствие.

Я знала, что он крупный и высокий, потому что видела, как он возвышается над другими мужчинами. Но смотреть на него сверху вниз, с крыши, было совсем не то же самое, что смотреть на него, снизу-вверх, с расстояния двух метров. Босиком, я была еще меньше; макушка едва доходила до воротника его рубашки. Мне пришлось вытянуть голову назад, чтобы увидеть его лицо. И... Боже, он заполнил дверной проем, его плечи почти касались боков. Его грудь представляла собой стену твердых мышц, закрывающую мой взгляд. Его тело было невероятно пугающим; он мог легко поднять меня одной рукой. Он выглядит как человек, у которого куча врагов, и мне не следует делать ничего, что могло бы его разозлить. Его руки гигантские, достаточно большие, чтобы раздавить череп, и я снова вздрагиваю.

Но, это было ничто по сравнению с тем, кем он был. Это знание было похоже на холодную тьму, наступающую со всех сторон, высасывающую из меня каждую крупинку силы и тепла. После многих лет анонимности и безопасного пребывания на расстоянии, я, внезапно, оказалась в прямом контакте со всем, против чего боролся СОРП. Сергей обладал богатством и властью маленькой страны, и он мог обрушить всю эту тяжесть на меня, невидимку аналитика. Моя смерть могла произойти от одного взмаха его руки. Мне было слишком страшно дышать.

А потом, я посмотрела ему в глаза.

Сначала, я видела, только ледящий душу, холод. Он был недоволен, и сердито смотрел на того человека, кто посмел его потревожить, и холод в этих серых глазах заставил мою

грудь сжаться. Он смотрит на меня. После двух лет наблюдения за ним, он смотрел на меня. Я не могла произнести ни слова. Я просто стояла и смотрела на него из-за стекол очков.

Затем, он моргнул, всего один раз, словно удивившись. Его глаза сморщились. Замешательство..., затем восхищение. В тот момент, его глаза не выглядели полностью серыми. Был лишь слабый намек на бледно-голубой цвет.

Внезапно, я снова смогла дышать. И, когда я вдохнула, воздух нес тепло его тела и его чистый, насыщенный запах. Я всегда была так далеко, что никогда не могла себе представить, что у него есть запах, но, это было потрясающе. Нотки жасмина и что-то, что я не могла определить, острое, цитрусовое и холодное; я представила себе ярко-красные ягоды, которые росли только у нас, в России, которые замораживают лютой зимой, а затем измельчают, чтобы извлечь из них весь аромат и вкус.

Что со мной происходит?

Я боролась с этим, но мои глаза беспомощно металась по нему. Я ничего не могла с эти поделать. Три года мне приходилось наблюдать за его телом под пиджаками и пальто. Теперь, его пиджак исчез, и он расстегнул несколько пуговиц на рубашке, галстук-бабочка свободно болтался на шее. Там был дразнящий треугольник гладкой загорелой кожи с лишь намеком на верхнюю часть его огромной груди. Я могла видеть их форму, когда они выступали из-под его рубашки, а света в тусклом коридоре было ровно столько, чтобы разглядеть тени его темных сосков. Были и другие тени, еще более темные, прямо под его ключицей. татуировки Братвы? Мои глаза опустились ниже. Был намек на чередование темноты и света. выступы и впадины его пресса. Затем разделительная линия, где мягкая белая рубашка растворялась в черноте его брюк-смокинга. Боже, его талия была такой узкой, его бедра и квадрицепсы были полны силы.

Кровь хлынула мне в уши, сердце колотилось. Этот взгляд в его глазах заставил страх отступить совсем на немного..., он все еще был там, но исчез под приливной волной острой, горячей потребности.

Я знала, что он меня привлекает. Но, через объектив камеры, он казался приглушенным и абстрактным, словно выцветшая фотокопия. Теперь, я ощутила его настоящего.

Я сглотнула, задыхаясь, и посмотрела ему в лицо. Я видела миллион новых мельчайших деталей. Как будто, мои чувства, все это время жаждали его, выживая лишь отдаленными проблесками, а теперь, они насытились. Я видела эту сильную челюсть тысячу раз, но никогда не замечала, как ямочка оттеняла всю железную твердость. У меня возникло сумасшедшее желание провести пальцем по его подбородку и нажать на него. И эта, надутая нижняя губа, такая высокомерная... Я всегда думала, что он похож на короля, но никогда не понимала, насколько сильно; в нем действительно было что-то царственное, что-то величественное и властное.

Я снова почувствовала, что балансирую на краю обрыва. И все, что я хотела сделать, это шагнуть в пропасть.

Он уставился на меня, его лицо стало суровым. Но, его глаза сохранили этот слабый оттенок голубизны, этот крошечный оттенок тепла, как бы он ни старался отогнать его. Я тяжело сглотнула. Император. Это лучше описывало ситуацию. Сергей был похож на римского императора, повелителя всего этого проклятого мира. И, когда он так на меня посмотрел, какая-то глубокая, постыдная часть меня заговорила, а я просто скромная...

Я отогнала прочь эту мысль. Я сейчас не думала о рабыни! Но, извивающаяся, трясущаяся, корчащая горячая масса, которая находилась внутри меня, говорила об обратном.

– Что? – спросил Сергей. Всего одно слово, но с той удивительной интонацией, которую я так хорошо знала, слушая его телефонные разговоры. В реальной жизни все было еще лучше; всего одно слово, но, я почувствовала воздушный поцелуй и нежное прикосновение губ.

Я сдвинула очки на нос, прочистила свое горло и встретила с ним взглядом. Мой голос работал на автопилоте.

– Мне очень жаль вас побеспокоить, но, у меня номер через коридор, и я вышла к автомату с кубиками льда, дверь за мной закрылась, а ключа у меня нет, я его оставила в номере. Не могли бы вы позвонить на стойку регистрации?

Я указала рукой на свой халат.

– Я не хочу идти туда в таком виде.

Он нахмурился еще сильнее. А затем, его взгляд, впервые, оторвался от моего лица. Его глаза медленно пробежались по моему телу. Когда его глаза снова поднялись, я сглотнула. Они стали блестящими и твердыми, но совершенно пылающими, серо-голубые бриллианты плавилась в печи. Я взглянула вниз на себя.

Господи. Я не успела как следует подпоясать халат, когда шла по коридору из номера. Пояс полностью растянулся, и обе стороны халата просто свисали. При своем высоком росте он мог смотреть прямо на верхние изгибы моей груди, открытые почти до сосков. И, часть моего тела была видна; впадина между грудями, животом, пупком, а затем вплоть до...

Все вокруг погрузилось в тень. Я не была уверена, сколько он увидел. Я схватила халат по бокам и плотно затянула его, затем завязала пояс, как будто пристегивала спасательный жилет. Когда, я снова подняла свой взгляд, его глаза все еще сверкали, но теперь они были... неодобрительными.

Ему не понравилось, что я прикрылась. Горячая волна возбуждения прокатилась по моему телу. Потом, у меня почти закружилась голова от шока. Что происходит? На меня никто никогда так не смотрел, особенно мужчина. Всю свою жизнь я старалась, чтобы меня не замечали.

– Пожалуйста? – Я просила его. Неожиданно, внутри меня снова закрутился тот постыдный жар. Реакция на мои умоляющие слова в его адрес.

Он не сдвинулся с места. Но, он наклонился немного в сторону и поднял одну руку вверх, открывая тесный дверной проем.

Я протиснулась внутрь, мои мокрые волосы задели нижнюю часть его руки, мое запястье скользнуло вдоль его бока. Под тонкой хлопчатобумажной рубашкой он был стеной твердой горячей плоти. Я никогда в жизни не прикасалась ни к чему настолько твердому.

Первая дверь, мимо которой мы прошли, вела в ванную, и я старалась даже не смотреть на неё. Держись, Виктор... пожалуйста.

Я продолжала идти вперед. Позади меня послышался глухой звук, когда Сергей закрыл дверь, и я запнулась. Вот и все; я была заперта здесь, наедине с ним. Что, если он начнет подозревать, кто я такая? Что, если он уже это сделал и просто хотел заманить меня сюда, чтобы мы остались наедине? Страх вернулся. Желание просто развернуться и броситься к двери было почти непреодолимым.

Но, если я хотела спасти Виктора, мне нужно было идти дальше. Мне нужно было отвести Сергея как можно дальше от ванной. Итак, дрожащими ногами, я продолжала двигаться вперед.

Мы вошли в гостиную. Номер был огромным и роскошно обставленным, с большими мягкими вельветовыми диванами, бордового цвета, обеденной зоной открытой планировки и еще тремя дверями, которые, как я могла догадываться, вели в спальни. Неудивительно, что Виктору потребовалось много времени, чтобы все обыскать. Я пошла прямо в дальний угол. Мне нужно было заманить туда и Сергея, чтобы он не видел двери в ванную. Но, он держался слегка позади, окружая меня на расстоянии. Его глаза все еще горели, но в них уже была осторожность. Подозрение.

– В твоём номере живешь только ты? – спросил он меня. Его голос, завораживающий и грубый, как черный камень. – Нет ни мужа, ни молодого человека?

Я сделала то, что делала всегда, когда меня об этом спрашивали; покраснела, посмотрела в пол, слегка фыркнула и покачала головой, *мол, не глупи*. Но, когда я снова сосредоточилась на нем, он склонил голову набок и пристально посмотрел на меня, его глаза стали еще жарче.

Опять неодобрительно. Как будто он ожидал, что у меня будет парень. И, ему очень, очень не понравилось, что я себя недооценивала.

Я в шоке моргнула на него из-под очков. В моей груди произошел медленный взрыв тепла. Самый страшный мужчина в мире, каким-то образом, заставил меня почувствовать себя лучше, чем, когда-либо, любой другой мужчина в моей жизни.

Я сглотнула.

– А, вы?

Я осмотрелась вокруг. – Это место огромное. Вы здесь с кем-нибудь?

Он медленно покачал головой, продолжая кружить вокруг меня, наблюдая за мной. Он выглядел необычайно мудрым, обдумывая ответ. Это сделало его еще сексуальнее.

Наконец, он произнес: – Она... не здорова.

– Ох, мне очень жаль... – я искренне ответила ему. – Я надеюсь, она скоро поправится.

Я посмотрела ему в глаза. Неужели, он скучал по Марине? Он выглядел не то, чтобы грустным, а скорее расстроенным тем, что её здесь не было. Конечно, он беспокоится, думая о женщине, которую он любил, лежащей в какой-нибудь парижской больнице. Меня пронзил приступ чувства вины.

Разве это правильно? Мы лгали этому мужчине.

И вскоре, когда Алина станет Мариной под прикрытием, мы будем обманывать его на совершенно новом уровне. Он был преступником. Цель оправдывает средства... верно? Я поправила очки на носу, рассуждая.

И затем, он внезапно прекратил кружить и просто посмотрел на меня. Что? Что я сделала?

Что бы это ни было, это положило конец его подозрениям. Он прошел через комнату ко мне. Ближе и ближе. Хорошо, он сейчас остановится. Ближе. Еще ближе.

Он остановился, прижав свою ногу к моей. Наклонился вперед...

Я затаила дыхание.

Он взял телефон со стола, позади меня, и выпрямился, оставив меня покрасневшей и растерянной. *Что, по-твоему, он собирался сделать?! Поцеловать тебя, глупая?!*

Но, он не отступил назад, пока звонил по телефону на ресепшен. Он остался стоять рядом, его нога касалась моей, его жар пульсировал во мне. Я слушала, как он объяснял администратору, что произошло. *Её номер заперт. 607*. Я стояла там, впитывая его, видя все мелкие детали, которые я раньше никогда не могла разглядеть, так как была всегда слишком далеко. Например, я знала, что он носил кольцо на правой руке, но теперь видела, что оно старое и изношенное, а гравированное серебро потемнело от времени. Этот стиль совершенно не сочетался с его свежей современной одеждой.

Должно быть, администратор задала ему вопрос, потому что Сергей положил руку на телефон и спросил, слегка наклонившись вперед.

– Как тебя зовут?

И, не раздумывая, я произнесла: – Николаева Елена.

Мне было почти неловко от этого. Это было настолько же уныло, настолько же обычно, насколько имя Сергей Болконский было экзотично и захватывающе.

А потом, до меня дошло, что я только что назвала ему свое настоящее имя. У меня свело желудок, и кожа вспыхнула от паники. Из меня вышел бы худший агент под прикрытием.

Сергей повесил трубку. Это действие заставило его снова наклониться ко мне и протянуть руку сзади, его предплечье скользнуло по моей пояснице.

– Несколько минут, – сказал он мне.

По ту сторону номера, я услышала очень слабый щелчок. Звук, очень тихо закрывающейся двери в коридор. Виктор смог выйти. Я постаралась не издать вздох облегчения.

– Спасибо, – сказала я ему. – Я пойду и подожду у своей двери.

Сергей еще не успел выпрямиться после того, как положил трубку. Поэтому, когда он, от удивления, вскинул голову, он внезапно посмотрел мне в глаза с расстояния менее метра. Эта хмурая гримаса, ставшая знакомой, этот обжигающий взгляд, который мне говорил, что это неправильный ответ.

Он хотел, чтобы я осталась, несмотря на то, что у него была девушка. Эта мысль пронеслась по моему телу. Но, у тебя есть Марина! Она красивая и сексуальная, и..., я была шокирована, возмущена, сбита с толку..., и польщена.

А потом, он, казалось, спохватился и выпрямился, поправил рубашку и указал на дверь. Мне ничего не оставалось сделать, как пройти мимо него. Сергей пытался вести себя так, как будто он не хотел искушать самого себя, он стоял не двигаясь, пытаясь сохранить между нами расстояние. Мое сердце колотилось. Я? Я никогда раньше никого не соблазняла. И, я испытала странное облегчение, узнав, что он не изменник..., как будто это могло иметь значение, учитывая, кем и чем он был.

Я была настолько отвлечена, что, когда он вдруг сказал: – «Подожди», я не уловила резкой перемены в тоне его голоса. Я обернулась и, кажется, улыбнулась ему.

Затем, я увидела выражение его лица. Что-то, только что, произошло с ним, что-то ужасное. Что-то, чего он не хотел, чтобы было правдой.

– В чем ты собиралась нести лед? – он спросил меня.

Я глупо заморгала.

– Что?

Он начал приближаться ко мне. Должно быть, я только вообразила себе синеву его глаз, потому что все, что я могла видеть сейчас, было безжалостным серым.

– Ты собиралась взять лед из автомата, когда дверь твоего номера заблокировалась. Так где же ведро со льдом?

Черт! Я открыла рот, но ничего не вышло. Мой мозг пытался найти объяснение и не находил его.

– Я...

И это, было решающим. Не отсутствие ответа, а чувство вины, которое было ясным, как день, в моих глазах. Он пронесся через комнату, огромными шагами сокращая расстояние между нами. Я обернулась и схватилась за ручку двери...

Его рука схватила мое запястье, и я вскрикнула, когда меня дернуло назад, прямо с ног. Затем, он швырнул меня к стене, а через секунду, его тело прижалось к моему, прижимая меня туда, каждый вздох гнева прижимал его грудные мышцы к моей груди. Эти застывшие серые глаза сверлили мне душу.

– Кто ты, Николаева Елена? – угрожающе задал он вопрос.

СТРАХ. О боже, какой страх охватил меня. Я испортила все! Я покачала головой, пытаюсь все отрицать, но это только разозлило его. Он зарычал и схватил оба запястья одной огромной рукой, прижав их к стене, высоко над моей головой.

– Какой был план? Убить меня? У тебя там нож, шприц с ядом?

Он засунул пальцы под пояс халата и потянул, узел развязался, и все вокруг меня раскрылось. Я пыталась вырваться, но это было бесполезно, у него была железная хватка.

– Или ты здесь только для того, чтобы открыть дверь моему убийце? Он пристально посмотрел на меня.

– Это будет не первый раз, когда красивая женщина пытается это сделать.

Красивая?! Он думает, что я красивая?

Он сильнее прижал мои запястья к стене.

– Кто ты?! – он взревел.

Я не поднимаю взгляд сразу. Я боюсь. Затем, я в ужасе зажмурилась. Мне хотелось плакать, потому что все это было так неправильно. Я не сексуальная убийца, не подруга киллера и даже не настоящий агент СОРП, я...

– Я никто!

Я зарыдала. Слезы покатались по моим щекам.

Давление на мои запястья немного ослабло. Когда, я открыла глаза, он был размытым за пленкой слез. Я моргнула и увидела, как гнев медленно угасает с его лица. На секунду его глаза стали голубыми, более нежными, чем я когда-либо их видела.

– Ты действительно в это веришь, не так ли? – пробормотал он.

Я просто задыхалась и ошеломленно смотрела на него.

У него снова был тот же взгляд, что и в коридоре. Очарованный. Он увидел во мне что-то, что пробило сквозь глыбы льда в его сердце. Я больше не представляла угрозы.

Он отпустил мои запястья, но пока не отступил назад. Мои руки упали по бокам, и халат соскользнул с одного плеча. Его глаза проследили за этим, скользнув по моему плечу, ключице, наклону моей груди.

Наше дыхание замедлилось, все вокруг остановилось.

Когда, он снова посмотрел на мое лицо, я снова увидела этот сверкающий, словно печь, жар. Я осознала, насколько близко были прижаты наши тела. Моя грудь прижалась к его груди. Наше дыхание стало синхронным, и каждый раз, когда мы вдыхали, сильное давление, трение твердого о мягкое было почти невыносимым, посылая потоки тепла, шелкающие и скручивающиеся вниз к моему паху.

Впервые, мы оба, казалось, осознали, что его нога находится между моими. Его одетое бедро прижимается к моему голому. Я почувствовала, как нижняя часть его брюк начинает твердеть. Я сглотнула, силы покинули меня. Жар теперь был непрерывным, распространяясь по моему телу все быстрее и быстрее, и каждый раз, когда он достигал паха, я чувствовала, как он превращается в скользкую влагу.

Он еще раз посмотрел вниз. Прижатие его груди было единственным, что удерживало халат от соскальзывания вниз по моей руке и дальше. Если бы он хоть немного пошевелился...

Он снова посмотрел на меня. На какое-то мгновение он выглядел почти беспомощным. Сергей? Беспомощен? Не может быть!

А потом, он закрыл глаза и пробормотал себе что-то под нос. Когда он открыл их, он не посмотрел на меня. Он отступил назад и, к моему изумлению, очень осторожно взял оба конца халата и потянул его обратно мне на плечи. Затем, он взял оба края пояса в руки, обернул их вокруг меня и, наконец, завязал пояс, так тщательно, как если бы он заворачивал куклу на Новый год.

Закончив, он секунду смотрел в пол, мускулистые плечи поднимались и опускались, пока он боролся с собой. Наконец, он поднял голову и посмотрел мне в глаза. Холод почти вернулся, остался лишь намек на упрямую синеву.

– Я собираюсь сделать то, что никогда не делает такой человек, как я, Елена. Я собираюсь извиниться.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Прости меня.

А потом, он открыл дверь и жестом предложил мне уйти. Я была вся в слезах, потрясена и возбуждена, но не знала, что еще делать, поэтому вышла в коридор. Один из сотрудников стойки регистрации подошел ко мне с карточкой-ключом, чтобы я могла вернуться в номер.

Голос Сергея остановил меня, когда я подошла к двери.

– Елена?

Я оглянулась. Его массивное тело заполнило дверной проем, одна большая рука сжимала раму.

– Я не знаю, почему ты на самом деле была в моем номере. Но с этого момента держись подальше от таких мужчин, как я.

Он закрыл дверь. Мгновение спустя женщина на стойке регистрации впустила меня обратно в наш номер. И в ту самую секунду, когда дверь за мной закрылась, Виктор схватил меня и заключил в свои объятия.

Почти минуту он просто обнимал меня. Моя щека прижалась к его груди. Я чувствовала, как он злится, его дыхание дрожало при каждом вдохе.

Внезапно, он оттолкнул меня на расстояние вытянутой руки, его руки сжали мои плечи так сильно, что это причинило мне боль.

– Ты, что, черт возьми, совсем спятила? – отрезал он. – Ты хоть представляешь, насколько это было опасно?

Я никогда не видела его таким испуганным. Я знала, откуда именно исходит гнев, поэтому просто кротко кивнула.

– Я не могла оставить тебя там одного, Виктор, я не могла!

Он пристально посмотрел на меня. Выругался себе под нос. Затем он снова притянул меня к себе, немного нагнувшись, так, что его щетина прижалась к моим волосам, а я посмотрела через его плечо.

– Ты в порядке? – спросил он хриплым от страха голосом. – Он не причинил тебе вреда? Он ничего... тебе не сделал?

Я покачала головой, крепко обнимая его. Но, сердце мое колотилось в груди. Он много сделал для меня. Я была разбита, напугана, шокирована, возбуждена и... Боже, неужели это действительно произошло? Неужели, мы с Сергеем привязались друг к другу, неужели, я привязалась к мужчине, которого мы должны были уничтожить?

Он меня почти поцеловал. Черт, когда он стоял там, прижав свою ногу к моей... Я почувствовала, как мое лицо покраснело, просто при воспоминании об этом. И я хотела, чтобы он это сделал. Я все еще хотела, чтобы он это сделал.

Я зажмурила глаза. Идиотка! Мне повезло выйти оттуда живой. Чего я до сих пор не понимала, так это почему он меня отпустил? Что он увидел во мне такого, что заставило его смягчиться?

Я думала, что я хорошо его знаю. Я наблюдала за ним в течение последних трех лет. Но теперь, я поняла, что ошибалась. Он был загадкой. Всего за несколько минут в этом гостиничном номере я увидела совсем другого человека. Мужчину, которого я совсем не понимала.

Я отстранилась от Виктора, зашла в ванную и захлопнула за собой дверь. К тому времени, когда я смогла отдышаться, у меня дрожал каждый мускул в теле. Выпрямившись, я какое-то время держалась за туалетный столик раковины, а затем включила холодную воду. Наклонившись, я начала плескать воду на свое горячее лицо снова и снова, пока не почувствовала себя спокойнее и могла дышать без чувства страха и жуткой паники.

Глава 3

Сергей

В моей жизни меня называли по-разному. Плейбой. Монстр. Сволочь. Я был всеми тремя, но никто и никогда не мог обвинить меня в том, что я не сохраняю четкой концентрации, когда дело касается бизнеса. У меня была своя доля врагов, как мужчин, так и женщин, которые были полны решимости свергнуть меня, учитывая мой безжалостный характер. Пока я не встретил её...

Я стоял в коридоре своего номера, глядя на дверь, не видя её. Все, что я видел – это Елену, мысленно прослеживал мягкий изгиб её шеи, снова и снова видел ту внезапную вспышку полуобнаженности, когда её халат распахнулся перед моей дверью, эту гипнотическую впадину между её грудями, ведущую мой взгляд прямо вниз.

С любой другой женщиной я бы предположил, что это был преднамеренный шаг. Обольщение. Но, с Еленой, совсем все было по-другому.

Я никогда не встречала никого похожего на неё. Она так отличалась от прихорашивающихся и тщеславных женщин, которых я обычно встречал. Мне нравилась её застенчивость, её неловкость, а то, как она поднимала очки на нос, было просто прелестным и восхитительным. Невинность и доброта, исходящая от неё, были настолько сильны, что я мог ощутить их вкус. Именно поэтому, я позволил ей войти в свою комнату. И, мне пришлось так сильно потрудиться, чтобы удержаться от того, чтобы просто схватить её и поцеловать.

Для дьявола нет лучшего искушения, чем ангел.

Но, я воздержался. Дважды. Я сказал себе, что это произошло потому, что я был верен. И, это правда. В отличие от многих мужчин, я не изменяю.

Но, я знал, что это было всего лишь оправданием. Мы с Мариной вместе для удобства. Взаимовыгодное соглашение. Я её не люблю, и она определенно не любит меня. Настоящая причина, по которой я не поцеловал Елену, причина, по которой я отговаривал себя от этого, лежала гораздо глубже.

Чтобы построить такую огромную империю, как моя, нужно быть твердым и жестоким. Я видел, к чему приводили последствия невинной любви. Слабости быть не должно.

А Елена? Я знал это, я чувствовал это. Она делала меня слабым. Этого я не мог себе позволить.

Глава 4

Елена

Никогда не знаешь, куда дует ветер перемен, было одно из любимых высказываний моего отца. Раньше, я думала, что это глупо; всего лишь одно из тех высказываний, которые мы говорим себе, когда не думаем, что можем контролировать свою судьбу.

Но, с тех пор я поняла, что иногда, когда дует ветер перемен, он достаточно силен, чтобы швырнуть нас в совершенно новый мир, и мы действительно не можем контролировать, куда летим и как приземлимся.

Я отродясь не собиралась работать в органах, тем более в СОРП. Моя жизнь началась совершенно по другому пути.

Я выросла в Новосибирске. Моя мама была детским терапевтом, работала в местной поликлинике. Мой отец был инженером на заводе. Мы не были богаты, но были счастливы и жили в частном доме с большим вишневым садом. Я любила бегать босиком по траве, помогать бабушке сажать картошку и ухаживать за кроликами. Моя мама очень красивая, с длинными каштановыми волосами, а у моего отца были темно-зеленые глаза, которые всегда улыбались. Он очень много читал. Когда я рисовала фотографии нашей семьи в детском саду, я всегда знала, что смогу придать цвет своим темно-каштановым волосам, смешав всего два оттенка. Зеленые глаза и близорукость достались мне от отца.

В один из дней, когда мне было семь лет, мой отец пошел на работу, но так и не вернулся домой. Сердечный приступ застал его прямо на объекте, где они строили завод. Спасти его не удалось.

У моей мамы словно вырвали сердце. За два года, она похудела и побледнела, и я очень сильно за неё беспокоилась. Затем она встретила отца-одиночку в поликлинике, где работала. Звали его Герман. Он пришел к ней на осмотр с маленьким мальчиком, и все изменилось. Несколько недель они встречались, мама была счастлива. Через три месяца, они решили жить вместе. Герману предложили работу в Москве, и маме ради него, пришлось бросить работу, продать наш дом и переехать вместе с ним в Москву, в арендованную квартиру, за которую маме пришлось платить самой, чтобы мы могли в ней жить, поскольку у Германа не сложилось с работой. Потом, он связался с непонятными людьми в поисках быстрого заработка. Я очень не хотела переезжать, и тем более жить с Германом под одной крышей. Я любила свою школу и свой уютный город. Но, у меня не было выбора. Место, куда мы переехали, я не могла считать домом. Ничего больше не будет домом. И кроме того, мне не нужен был дом – это слово сопровождало воспоминания, слишком болезненные, чтобы о них думать, мне достаточно было места, где я просто могла жить.

Год спустя, умер сын Германа, Тимофей. Несчастный случай в школе. И, Германа, как будто бы, подменили. Он всегда мне не нравился. Я ему не доверяла. После смерти сына, он начал пить, ругаться, кричать на маму и на меня, когда он злился, он пинал вещи так, что это меня пугало.

Потом, начались побои. Синяки, которые она пыталась скрыть макияжем. Треснувшие ребра, из-за которых было больно дышать и говорить. Я пряталась в своей комнате и смотрела на журнальные картинки, которыми обклеила стены, на далекие места, такие как Байкал и Якутия, и попыталась представить себя там во сне.

Когда мне было двенадцать, моя мама попыталась бросить его и бежать обратно в Новосибирск. Герман поймал нас на полпути, отправил мою маму в больницу и сказал ей, что убьет нас обоих, если она снова попытается бросить его. Он потерпел неудачу в роли преступника, потерпел неудачу в роли кормильца. Он не хотел, чтобы кто-нибудь знал, что он тоже не смог стать мужем.

Через несколько недель, после этого, Герман пришел пьяный и рухнул в кресло. Он крикнул моей маме, чтобы она принесла ему пива, но она лежала в постели с переломами ребрами, после его побоев, и едва могла ходить. К тому же, у неё начал развиваться сахарный диабет. Я была в их спальне, присматривала за ней, и увидела, как она изо всех сил пытается встать, стиснув зубы от боли.

– Нет, мама, лежи, – сказала я ей со слезами на глазах.

Я вышла в коридор, не обращая внимания на её протесты. Я подошла к холодильнику и принесла Герману пиво.

Когда он увидел, что это я, он проклял меня, сказав, что я такая же пустая трата места, как и моя мать. И когда я подошла достаточно близко, он впервые ударил меня – удар открытой ладонью по лицу, от которого у меня затряслись зубы, и я увидела звезды.

Но, с той ночи я приносила ему пиво и еду, и убиралась в доме. Я была маленькой и ничего не могла с этим поделать. Но, я старалась делать все, чтобы держать его подальше от моей мамы, которая не могла вставать после его побоев.

Он бил меня, а мама так его боялась, что ничего не могла сделать. Однажды, когда мне было четырнадцать, я уронила горячую сковороду, и она оставила темный след на линолеуме. Герман поднял её, задрал мою футболку и прижал её горячий край к моему боку, чтобы преподать мне урок. Я слышала, как моя кожа шипела, как кусок мяса, брошенный на сковороду. Я знала, что не смогу обратиться в отделение скорой помощи, поэтому обработала ожог сама, а шрам все еще остался. Однако, это послужило мне уроком. Чем меньше он меня видел и слышал, тем меньше он меня бил.

И так я стала невидимкой. Моя уверенность в себе исчезла. Каждый день я слышала, какая я никчемная. Он смеялся над моими мечтами о зеленых далеких местах и рвал фотографии, которые я приклеивала на стены. Я ушла в себя, одевалась в бесформенные кофты с капюшонами и джинсы, стараясь вести себя максимально нейтрально, чтобы меня было легче игнорировать. Мальчики смотрели прямо мимо меня. Учителя даже забыли, что я была в их классе.

В один из дней, когда мне было шестнадцать, я поднялась на крышу многоквартирного дома. Мне было так одиноко, я чувствовала себя такой разбитой, что готова была прыгнуть с крыши. Но, я волновалась за маму. Если я оставлю её одну с ним наедине, он снова станет её избивать и её уже некому будет защитить.

Именно тогда я увидела его, балансирующего прямо на краю крыши. Птичье гнездо, на краю которого сидела белая голубка, кормящая своих птенцов. Это было самое прекрасное, что я когда-либо видела, и я была так близко. Птицы меня совершенно не замечали.

И тогда, я поняла, что моя невидимость для чего-то может быть полезна. Я была такой тихой, такой ненавязчивой, что могла подойти к птицам и животным ближе, чем кто-либо другой.

Я начала совершать прогулки в город, незаметно пробираясь через заброшенные здания, находя летучих мышей, бродячих кошек и собак, за которыми можно было наблюдать. Нахождение рядом с этими маленькими животными было достаточно, чтобы поддерживать меня в здравом уме от того, что происходило дома.

Однажды, исследуя заброшенный бизнес центр, я обнаружила, что я не одна. Старый грузин с седыми волосами фотографировал птиц, за которыми я наблюдала. Сначала я настоятельно с ним общалась. Но, он был дружелюбен, и через несколько месяцев мы сблизились. Его звали Алико, и когда-то он был военным репортером. Его квартира, недалеко от Петровки, была увешана желтыми выцветшими фотографиями Афганистана, Пакистана и Ирака. Он подарил мне одну из своих старых камер, и с первого же момента, как я попробовала её, она меня зацепила. Моя невидимость означала, что я могла приблизиться к любимым животным, а камера означала, что я могла поделиться с миром увиденным. Через несколько недель, Алико

посмотрел на сделанную мной фотографию гнезда новорожденных мышей, прижавшихся друг к другу, чтобы согреться. Один мышонок открыл глаза и взглянул на меня, и в этих больших черных глазах отразился горизонт Москвы.

– Ты в этом естественная, – сказал мне Алико. – У тебя есть внимание к деталям.

Наконец-то, я нашла свое дело.

В течение следующих двух лет, моя жизнь заключалась в том, чтобы защищать маму дома, готовиться к экзаменам в школе, я заканчивала одиннадцатый класс, и несколько драгоценных часов, каждый день, учиться у Алико. Он спрашивал меня о синяках, и я знала, что он злится, что кто-то причиняет мне боль. Но, я также знала, что Герман сможет причинить ему вред, поэтому я молчала.

Затем, когда мне было девятнадцать, Герман умер, получив ножевое ранение в драке в переулке с другими бандитами. Я знала, что мне следует грустить, но все, что я чувствовала, это облегчение, которое заставило меня задуматься, ужасный ли я человек. Я думала, что моя жизнь изменится, но, мы с мамой все еще застряли в Москве, у нас не было денег, чтобы вернуться обратно в Новосибирск. Поэтому, я устроилась работать в продуктовый магазин, продолжала учиться, присматривать за мамой и фотографировать. Я мечтала стать фотографом дикой природы.

Однажды ночью, я услышала крик девушки, у нас во дворе, и выстрелы. Я подбежала к окну и увидела, как молодой человек с пистолетом в руках убежал в сторону парка. Я его хорошо разглядела. Я его видела несколько раз у магазина, в котором работала. Возле пожарной лестницы лежал труп мужчины, а рядом лежала, потерявшая сознание от удара, девушка.

К тому времени, как приехали полицейские, убийца уже убежал. Мужчиной, которого убили, оказался мой друг Алико. Я не знала, что произошло. Почему Алико этой ночью оказался в переулке у моего дома.

На похоронах Алико я была единственной скорбящей. Я стояла там, и дождь смешивался с моими слезами, горячая, горькая несправедливость этого дождя наполняла меня изнутри, пока я не подумала, что взорвусь.

Я не была храброй. Я была никем.

Но, кто-то должен был что-то сделать.

Поэтому, я взяла фотоаппарат, который мне подарил Алико, упаковала сумку с едой и водой, и три дня подряд я следовала за этим убийцей, как призрак, прячась в переулках и на крышах, фотографируя каждое его движение. Мой взгляд на детали позволил мне увидеть мелочи, которые могли изменить ситуацию. царапины на его машине, которые доказывали, что это его машина, когда он уезжал от того места, где забирал упаковку с наркотиками. Татуировка на его руке, когда он передавал взятку полицейским.

Я отправила фотографии напрямую начальнику отдела полиции Москвы, пройдясь по головам коррумпированных полицейских. Через несколько дней торговца арестовали. Но, на его территорию заехал другой мелкий наркоторговец. От них страдали люди. Подростков и молодых людей вербовали для продажи наркотиков в школах и институтах. И никто ничего не мог сделать.

Я начала добывать улики на каждого из них, прячась в тени и собирая фотографические доказательства, которые полиция не могла получить, и анонимно отправляла их в отдел полиции. За девять месяцев я помогла посадить в тюрьму троих наркоторговцев. Я купила одноразовый телефон, по которому меня невозможно было отследить, и дала свой номер полиции, на случай, если им понадобятся дополнительные фотографии кого-то из них. Но когда раздался звонок, это была не полиция. Это была женщина по имени Серафима Ульянова, и она работала в СОРП. Она уговорила меня встретиться за чашкой кофе. Когда мы встретились она спросила, не хочу ли я поработать у них.

– У тебя потрясающий взгляд на детали, – сказала она мне. – И тебе удастся делать фотографии, которые никто другой не может. Хотела бы ты быть частью команды, которая сажает за решетку плохих парней?

Я знала, что я совсем не похожа на агента СОРП. Я не была ни храброй, ни сильной. Но медицинские счета моей мамы накапливались, мне нужно было помогать маме платить за квартиру и СОРП платил намного лучше, чем продуктовый магазин, где я работала.

Итак, я начала работать в головном офисе СОРП в Москве в качестве специалиста, и встретила там Виктора Карпова, Алину, Марию. Они были настоящими агентами, крутыми и уверенными в себе полевыми агентами, которые выбивали двери, владели боевым искусством и могли стрелять из оружия – даже Мария, рост которой был всего лишь 160 см, могла победить плохого парня лучше, чем кто-либо другой. Они лояльно относились к моей застенчивости, к постоянному молчанию и все стали моими друзьями, особенно Мария, и я очень скучала по ней, когда её направили на службу в Афганистан.

Серафима стала для меня второй матерью, и я много работала, наблюдая и фотографируя каждого, на кого она мне указывала. В первый же год работы я получила информацию о каждом нарушителе закона, за которым мне велели следить. Я хорошо справлялась со своей работой, но все еще прятался за объективом камеры, невидимая и очень, очень одинокая.

И вот, однажды, Серафима показала мне черно-белую фотографию самого великолепного мужчины, которого я когда-либо видела.

– Это Сергей Болконский, – сказала она мне. – И мы с тобой его уничтожим.

Три года я пыталась делать именно это. Я следила за каждым его шагом, прослушивала его звонки, но, он был слишком умен, слишком осторожен, я не могла получить необходимые доказательства, чтобы мы могли его посадить. И меня начало тянуть к нему. Я не могла понять почему. Он был преступником, а преступники убили или ранили всех, кого я когда-либо любила. Потом был Санкт-Петербург и то, что произошло в его гостиничном номере.

А теперь все было по-другому.

Глава 5

Елена

На следующее утро, после того, как мы вернулись из Санкт-Петербурга в Москву, мне понадобилось три чашки кофе, чтобы хоть как-то не уснуть после долгой дороги.

Я приехала домой всего за час до того, как мне пришлось бы снова вставать с постели и ехать на работу, и я провела этот час, лежа без сна, снова и снова вспоминая то, что произошло в гостиничном номере Сергея. Не находя покоя, я встала и пошла на кухню. Она сделана из ярко-белых шкафов с темными деревянными столешницами, белой плитки и бытовой техники из нержавеющей стали. Несмотря на то, что на кухне есть маленькое окно, оно пропускает мало света, и в комнате постоянно темно. Поэтому я выбрала белые шкафы, чтобы все казалось больше и ярче. Я заварила кофе и подошла к столу перед огромным окном в своей гостиной. Комната была достаточно большой для моего письменного стола, двух диванов, стола и стульев. Здесь я также выбрала светлые тона, чтобы сделать пространство ярче и дополнить паркетный пол.

Я была счастлива здесь. Это было мое безопасное место. Но сегодня, меня все еще трясло от того, насколько близко я была к смерти. И этот взгляд, которые я увидела, когда я ответила ему, что я никто, в этот момент он перестал быть пугающим. Он перевоплотился в мужчину, который хотел меня защитить.

И то, как он посмотрел на меня, когда мы оба поняли, что его нога оказалась между моими... Ах...! Почему, я о нем думаю? Что, черт возьми, не так со мной? Это же Сергей Болконский!

Теперь, сидя за рабочим столом, я изо всех сил пыталась не заснуть. Виктор все утро молча размышлял. Я знала, что он беспокоился об Алине. Мы оба беспокоились. Она сейчас в больнице, и с минуты на минуту начнется операция по превращению её в Марину. Благодаря нашей неудаче в Санкт-Петербурге, через несколько недель её отправят прямо в логово зверя.

Я занялась сбором всего того, что у нас было о Марине. В отличие от Сергея, мы знали о ней очень мало. Она внезапно появилась в его жизни около девяти месяцев назад, сексуальная, гламурная и всегда одетая в потрясающую дизайнерскую одежду. Я остановилась на секунду, глядя на фотографию её и Сергея, когда они готовились к посадке в частный самолет. Та часть моего мозга, которая всегда замечала детали, царапала мой разум, пыталась сказать мне, что, что-то не так, но, я была слишком уставшей, чтобы понять, что я вижу. Я продолжала собирать информацию и остановилась, когда достала снимок Марины крупным планом. Она была великолепна, но что-то мне в ней не нравилось. жестокость в этих ясных зеленых глазах...

Подожди, я что, ревную? Из-за этого она мне не нравится? Я почувствовала, что краснею, но продолжила свою работу. Господи, Елена возьми себя в руки. Алине придется подражать каждой детали этой женщины. тому, как она ходит, как она говорит. Я начала просматривать последние фотографии Марины, сделанные командой Интерпола, когда она была в Париже. На одном из снимков, сделанном незадолго до аварии, она садится в спортивную машину, а ветер поднимает её свободную блузку сзади, обнажая...

Я вскочила на ноги, широко раскрыв глаза.

– Что случилось? – спросил Виктор, сразу насторожившись.

Я схватил свой телефон.

– Нам нужно позвонить Серафиме, – сказала я, набирая её номер. – Мы должны остановить операцию Алины!

Он схватил свой телефон и позвонил в больницу, но администратор отказался отвлечь доктора Кириллова от операции, чтобы он мог подойти к телефону. Телефон Серафимы тоже

переключился на голосовое сообщение. Я знала, что она в больнице, присматривает за Алиной. Должно быть, в больнице её заставили выключить его.

Я посмотрела на дверь. Больница находилась менее чем в квартале отсюда.

– Продолжай звонить, – сказала я Виктору.

И, побежала. Я быстро спустилась по лестнице на улицу, а затем по тротуару, и, бегом, направилась в сторону больницы, уклоняясь от прохожих. Сегодня, в воздухе висит туман, с неба льет дождь и переливается в свете фонарных столбов. На улице холодно, пешеходы, опустив головы, бегают трусцой, если только они не из немногих счастливчиков, которые не забыли взять с собой зонтики. Дрожа, я плотнее натягиваю на себя тонкую куртку и вытираю дождевую воду с ресниц и очков. К тому времени, как передо мной начала вырисовываться огромная серая громада больницы, я покраснела и задыхалась, и мне захотелось присоединиться ко во всем тем, кто делал пробежки по утрам по Центральному парку.

Я вбежала в больницу, вся промокшая от дождя, и спросила у испуганной медсестры, в какой операционной находится доктор Кириллов, а затем вломила в дверь. Все вокруг операционного стола в шоке подняли головы. В маске и халате доктор Кириллов выглядел совсем иначе, но этот взгляд, я бы узнала где угодно. И да, это была Алина на столе, её лицо было испещрено линиями маркера.

– Что, черт возьми, ты делаешь? – отрезал доктор Кириллов. – Выйди отсюда! Ты не стерильна!

Я прислонилась к двери, тяжело дыша. Вода с меня стекала на стерильный белый кафель.

– Остановитесь. Прекратите операцию!

– Что? Почему? Доктор Кириллов посмотрел в сторону окна в поисках помощи, и я увидела Серафиму, стоящую по другую сторону стекла, такую же растерянную.

– У Марины есть татуировка, – выговорила я, все еще запыхавшись. – В нижней части спины, у поясницы. Мы не знали, что она там есть. Я обнаружила это только сейчас.

– И ты, из-за этого, сюда прибежала?! Это не проблема, мы сделаем Алине такую же татуировку, когда закончим операцию.

Я покачала головой.

– Но у неё уже есть татуировка на том же месте!

Все замерли.

– Ты абсолютно уверена? – спросил доктор Кириллов, вопросительно посмотрев на меня.

Я кивнула.

– Да я уверена. Несколько месяцев назад, мы проходили ежегодную медкомиссию, и когда я заходила в кабинет кардиолога, Алина одевалась.

Доктор Кириллов выругался.

– Помогите мне перевернуть её на бок, – сказал он медсестрам. Они её повернули, и когда он поднял халат Алины, мы увидели необычную полоску из славянских символов на её поясе.

– А что наколото у Марины? – Серафима спросила через стекло.

– Кобра, – ответила я в отчаянии.

– Можно ли удалить татуировку Алины лазером, доктор Кириллов? – в отчаянии спросила Серафима. – А затем сделать ей новую.

Доктор Кириллов покачал головой.

– Чтобы удалить такую большую татуировку, потребуется целый курс процедур. Нам времени не хватит на это. Долгий период заживления.

От громкого удара все в операционной подпрыгнули. Это была Серафима, в отчаянии ударившая кулаком по стеклу.

Вся наша операция под прикрытием провалилась.

Вернувшись за свой стол, я посмотрела на монитор, не видя его. Наш единственный в жизни шанс был упущен. Наша единственная попытка уничтожить Сергея Болконского.

Мы могли бы вернуться к наблюдению за ним, но я знала, что нам уже никогда так не повезет. Сергей был чертовски умен. План Серафимы был нашим единственным шансом переломить ситуацию. Теперь СОРП проиграет, и все потому, что не было женщин-агентов, которые могли бы выполнить эту работу. Это должен был быть кто-то из нашей команды. Мы были единственными, кто знал Сергея достаточно хорошо, чтобы иметь шанс нашему агенту выдать себя за Марину. У Алины была татуировка не в том месте, а Мария, даже если бы мы смогли быстро вывести её из этого кладбища для империй, под названием Афганистан, она была слишком маленькой. И эти двое были единственными женщинами на...

Внезапно, я увидела свое отражение на мониторе, и мое сердце, казалось, остановилось. Нет. Нет, это безумие. Даже не думай об этом!

Но, я была одного роста с Мариной. Того же телосложения. И, у меня не было татуировок. Я не могу быть ею. Марина была гламурной и очаровательной. Куда бы она ни пошла, она была в центре внимания. Полная противоположность мне. Я никогда не смогу это осуществить.

Но... Я посмотрела вокруг себя. Не только наша маленькая команда, но и весь зал выглядел подавленным. Сергей собирался накрыть солнечный край России, как черная туча, заслонив солнце. Может быть, еще месяц, и он станет настолько могущественным, что другим криминальным авторитетам придется с ним сражаться. Крупные города региона увидят насилие, которого они не испытывали с 1990-х годов. Сотни невинных умрут. И, когда Сергей в конце концов выиграет, а я была уверена, что так и будет – мы будем наблюдать за регионом, которым управляет преступник. У него будет слишком много власти, и никто не сможет его остановить, даже СОРП не был в состоянии.

Кто-то должен что-то сделать.

Но, я?

Мне пришлось бы лгать постоянно, каждый день. Я ужасная лгунья. И даже, если бы я была лучшей лгуньей на свете, как бы я могла продолжать вести себя с Сергеем, когда я начинала испытывать к нему чувства.

Моя кожа вспыхнула. Как я могла это проверить, когда у меня были такие чувства к нему?!

Если я потеряю бдительность хотя бы на секунду, если я сделаю что-нибудь такое, что Марина не сделала бы, или не сделаю то, что сделала бы она, и он узнает, что я шпионю за ним, он меня убьет. На этот раз, пощады не будет.

Я представила, как нахожусь с ним в особняке, отрезанная от своих друзей и без поддержки, может быть, на несколько недель или даже месяцев. Страх охватил меня полностью, как будто кто-то непрерывно качал ледяную воду по моим венам. Но, ведь это Сергей Болконский.

Тихий голос внутри меня прошептал. никто не должен знать, что ты об этом подумала. Серафима даже не рассматривает тебя для этой миссии. Все, что тебе нужно сделать, это промолчать, и миссия останется отмененной.

Но..., я буду знать. Когда люди начнут умирать, когда Сергей захватит власть..., я буду знать, что я могла это остановить.

Я заставила свои трясущиеся ноги встать и пойти к лифту.

Офис Серафимы находился на самом верхнем этаже здания СОРП, поэтому у меня было слишком много времени на размышления. Я дважды чуть не остановила лифт и слава Богу, он поднимался без остановок на верхний этаж. Иначе, я бы точно струсила. Идти по длинному коридору к её двери было самым трудным делом, которое я когда-либо делала. Это безумие. Я недостаточно смелая, чтобы сделать это.

К тому времени, когда я дошла до двери кабинета Серафимы, я не осмелилась остановиться и постучать. Если бы я остановилась, я бы просто развернулась и побежала обратно. Поэтому, я ворвалась в кабинет и остановилась в дверном проеме, широко раскрыв глаза и сжав грудь.

Серафима сидела за компьютером, уставившись на монитор, как я, несколько минут назад. Она вздрогнула.

– Елена? Что ты тут делаешь?

Я не могла говорить.

Она встала, пытаясь заполнить неловкое молчание, подошла к окнам, сделанным от пола до потолка из толстого пуленепробиваемого стекла, которые образовывали один конец комнаты, и посмотрела на фантастический вид Москвы.

– Я всегда закрываюсь на короткий период, в это время. Это дает мне время подумать. Когда я смотрю на нашу огромную столицу, какую великую страну она представляет, на все это великолепие, это напоминает мне, за что мы боремся.

Однако сегодня, она не выглядела вдохновленной. Она выглядела разбитой. Она очень любила эту страну, каждый её город и его жителей, и большинство из них даже не знали ни её имени, ни того, на что она шла, чтобы защитить их.

Если у страны и был ангел-хранитель, то это Серафима.

А теперь, она проиграла. Она глубоко вздохнула и опустила глаза в пол. В это время часа пробили три раза. Я не могла больше сдерживать себя.

– Я могу это сделать, – выпалила я.

Я могу это сделать. Подумала она с необычным приливом уверенности. Я могу быть кем-то другим.

Серафима повернулась ко мне. Её взгляд пустой, это заставило меня запнуться. Вот насколько я была совершенно неподходящей к этой роли. Она даже не поняла, что я имела в виду.

– Я могу быть Мариной, – сказала я ей.

Она склонила голову набок..., а затем её челюсть отвисла.

– Ты...

Она оглядела меня с ног до головы, и я увидела борьбу на её лице. Она хотела, чтобы это было возможно, но, она также не хотела, чтобы это было возможно. Я ей была не безразлична.

– Нет. Нет, я имею в виду... Нет, ты недостаточно высокая.

– Я точно такого же роста, как Алина и Марина. Они просто носят каблуки, а я... сутулюсь. Я встала прямо.

Серафима выглядела больной. Я думала она сейчас вырвет или потеряет сознание. Она вызвала доктора Кириллова, возможно, надеясь, что он исключит эту сумасшедшую идею. Но, он обхватил мою голову руками, пощупал линию подбородка, сравнил мою фотографию с фотографией Марины..., и кивнул.

– Это работает, – сказал он нам. – Есть ли татуировки, о которых нам следует знать?

Я покачала головой.

– Шрамы?

Я застыла. Виктор – единственный, кто знал о моем детстве. Мы работали над одним делом, касающимся детей, и однажды ночью, я не выдержала и рассказала ему все. В его глазах появился яростно-защитный взгляд, и я думаю, он бы сразу же выследил моего отчима, если бы тот был еще жив.

Но, если я собиралась притворяться Мариной, они должны были знать. Я подняла пиджак и блузку, обнажая уродливый шрам от ожога на боку.

Доктор Кириллов наклонился и взглянул на него.

– Не проблема, – весело сказал он и стал чиркать что-то в блокноте.

– Мы скажем, что ты обожглась об раскаленный металл, пока тебя освобождали из-под обломков.

Реакция Серафимы была совершенно иной. Она, должно быть, прочитала боль в моем выражении лица, потому что, на секунду, мне показалось, будто она собирается заключить меня в свои объятия. Но, вместо этого, она взяла мою руку и крепко сжала её. Она еще на мгновение выдержала мой взгляд, а затем вздохнула и покачала головой, все еще не определившись.

– У тебя нет опыта работы под прикрытием, – сказала она. – Ты даже не полевой агент.

– Но, я хорошо знаю Сергея, – тихо сказала я.

– Елена, ты будешь его девушкой. Тебе придется...

Я покраснела.

– Я знаю.

– У тебя есть парень? – спросила Серафима.

На секунду я вспомнила Сергея, задавшего мне тот же самый вопрос. Я покачала головой. Мужчины меня не замечают... кроме него.

Серафима закрыла глаза.

– Я.. нет, я не могу позволить тебе это сделать. Это за гранью безумия. Нет.

– Это единственный шанс, который у нас есть, – сказала я.

Некоторое время она смотрела на меня, затем развернулась и подошла к окну, обхватив себя руками, как будто от этого вида ей вдруг стало холодно.

– Я не могу просить тебя это сделать, – произнесла она, наконец.

– Вам не обязательно, – сказала я. – Я добровольно готова это сделать.

Она повернулась и пристально посмотрела на меня.

– Елена, если он узнает, что ты не Марина, он тебя убьет.

Я глубоко вздохнула..., и кивнула, тем самым показывая Серафиме, что я понимаю на что иду.

Серафима плотно сжала губы, принимая решение. Затем она кивнула.

– Ладно. Мы организуем операцию. Ты спускайся в зону задержания. Она только что приехала. Тебе лучше начать с ней знакомиться.

Пришло время познакомиться с Мариной.

Глава 6

Елена

Я не сразу зашла в комнату допроса. Я стояла в комнате рядом и наблюдала за ней через одностороннее зеркало. Как кто-то, мог выглядеть таким безмятежным?

Марина сидела на металлическом стуле за металлическим столом, прикрученными к полу, в безликой подземной комнате. Ей грозило серьезное тюремное заключение по обвинению в хранении наркотиков. И все же, она сидела, элегантно скрестив ноги, положив подбородок на идеально ухоженные пальцы. Она выглядела так, словно позировала для фотографий журнала о стиле жизни в холле, какого-нибудь роскошного отеля.

Я никогда не смогу быть такой. Я не могла поверить, что мы одинакового телосложения. Если это правда, то почему я не могла выглядеть такой же гибкой и длинноногой. Я всегда чувствовала себя такой невысокой и коренастой. И, я была уверена, что наши груди были разного размера. У неё были маленькие, дерзкие и идеальные, как у какой-нибудь голливудской актрисы. Я всегда стеснялась своих, потому что они слишком велики для моего телосложения.

Мое сердце колотилось, когда я шла к двери, ведущей в комнату для допросов. Я никогда раньше никого не допрашивала. Я поняла, почему Серафима хотела, чтобы я это сделала. Именно мне придется выдавать себя за неё. Или, может быть, она пыталась заставить меня понять, что я вообще не создана для этого?

Я собрала всю свою уверенность и вошла в комнату, пытаясь сделать это так, как это сделал бы Виктор. Мне нужно было получить ответы от этой женщины.

Но, когда я пересекла комнату, Марина посмотрела на меня. Всего лишь взгляд краем глаза, как будто я не стоила того, чтобы ради меня поворачивать голову. Её глаза пробежались по моему телу только один раз..., и она с отвращением фыркнула и отвела взгляд.

Я запнулась на полпути, мое лицо горело от стыда. Внезапно, я снова оказалась в старших классах школы. странная девушка, над которой смеются все крутые ребята.

Я собралась с духом и подошла к столу. Я не могла позволить ей запугать меня. Мне придется быть ею.

Но, когда я начала садиться, она кивнула в сторону зеркала и четко произнесла.

– Как долго ты стояла за этим зеркалом, прежде чем набраться смелости войти?

Мое лицо снова покраснело. Мой рот глупо открылся, но, я не могла ей возразить. Мой авторитет был потерян.

– Меня зовут Елена Николаева. Мне нужно задать тебе несколько вопросов о Сергее Болконском.

Она усмехнулась и положила ноги на стол. Туфли, у неё, алого цвета, ремешки украшены крошечными блестящими драгоценностями, а ноги безупречно гладкие. Голос у неё действительно нечто. богатый и культурный, как бритва, смоченная медом.

– Я уже сообщила французской полиции, что мне неизвестны подробности его бизнеса.

Виктор, однажды, сказал мне, что для того, чтобы подозреваемый что-то рассказал тебе, нужно наклониться вперед, как будто ты собираешься поделиться с ним секретом. Я наклонилась к ней.

– Я хочу знать о ваших с ним отношениях.

Она приблизила свое лицо к моему.

– Правда? – ответила она достаточно громко, чтобы заставить меня подпрыгнуть.

– Хочешь знать о моих с ним отношениях?

Она, еще раз, внимательно меня изучила. мои сухие, тусклые волосы, дешевый костюм и туфли на плоской подошве.

– Интересуешься, потому что иначе не можешь почувствовать близость мужчины? Хочешь записать в свой блокнот, какое большое и толстое у него богатство? Хочешь знать, каково это, когда он занимается со мной любовью?

Я не могла смотреть на неё. Я уставилась на стол, мои щеки снова пылали.

– Ох, как это мило, посмотри на себя? Боже, ты мечтала о нем?

Она наклонилась еще ближе и прошептала: – Ах, ты маленькая, бедненькая СОПРовская девчонка, ты вся в жару!

Она расхохоталась.

Я вскочила со стула, как обожженная.

– Он, самое интересное, что произошло с тобой за последние годы, не так ли? – спросила Марина.

Она притворно заплакала.

– Бедная, маленькая Елена. Все, что ей нужно, это мужчина, но она не может его получить, поэтому она тешит себя мыслями о том, что с ней сделает большой, плохой босс мафии, если она попадет в его большие злые руки.

Я вдохнула. Вдох был прерывистым и сбивчивым. Я поняла, что мои глаза наполняются слезами.

– О, Боже, – невинно произнесла Марина. – Неужели, я задела за живое?

Я почти выбежала из комнаты допроса. Но, если я сброшу карты сейчас, у меня уже никогда не будет сил вернуться сюда. Я сделала два долгих, судорожных вдоха.

– Послушай, – сказала я в отчаянии. – Я знаю, что ты хочешь защитить его. Я понимаю, что ты верна мужчине, которого любишь, но ты...

– Любовь?!

Марина на секунду звучала искренне сбитой с толку. Наши глаза встретились. Затем, она расхохоталась, её пронзительный смех разнесся по комнате.

– Ты так думаешь? Вы все думаете, это все эти мягкие игрушки и прогулки под дождём?! Думаешь, я люблю его, а он любит меня?

Я пыталась перетянуть её на свою сторону.

– Ты красивая. Почему бы ему не любить тебя?

Она посмотрела на меня, как будто я была идиоткой.

– Потому что, такой человек, как Сергей Болконский, не способен любить.

– Тогда, почему вы вместе? – в недоумении спросила я её.

– А, ты, как думаешь, почему? Раньше, у него каждый раз была разная женщина, но потом какая-то из них решила подставить его. Пока она его отвлекала, её парень-киллер пробирался внутрь. Со мной, Сергею легче и безопаснее.

– А, ты...

– А я живу как королева, Елена. У меня бездонная кредитная карта и поездки за покупками в Париж. Она ухмыльнулась мне. – Ты думаешь, я бессердечная и злая стерва?

Я на мгновение поколебалась, а затем кивнула.

– Вот что делает меня идеальной для него.

Я вышла из комнаты для допросов, все еще испытывая боль от того, как она меня унизила, и все еще пытаюсь понять, как, черт возьми, я собираюсь это осуществить. Она была сексуальной, гламурной, безжалостной... Я не была похожа на неё. Она идеально подходила Сергею Болконскому.

И откровение Марины, что они не были влюблены друг в друга! Значит, это были просто отношения по расчету, только секс и деньги? Я даже представить себе не могла такие отношения, и мне придется их прожить.

Я зашла в лифт и нажала кнопку двенадцатого этажа. Затем, я вышла и пошла по коридору, но замедлила шаг, когда подошла к кабинету Серафимы. Я услышала знакомый низкий голос, кричащий. Нет, ревуший.

О, Боже.

Между тирадами, я могла различить более тихий и размеренный голос Серафимы. Я не могла разобрать, о чем они говорят, но несколько раз слышала свое имя. Затем, послышался стук, похожий на удар большого мужского кулака по столу. Серафима в ответ повысила голос, и я услышала её слова.

– Виктор, вы агенты СОРП, и ты будешь действовать в соответствии со своим долгом, и клятве, которую ты дал отечеству. Иначе, мне лично придется отстранить тебя. Сейчас ты явно действуешь исходя из личных чувств.

Я покраснела.

Виктор выбежал из кабинета Серафимы. Проходя мимо меня в коридоре, он выплюнул несколько слов из уголка рта: – В парк, быстро.

Я побежала за ним. Мне следовало сначала поговорить с ним, как только я вызвалась добровольцем. Но, я не могла сказать ему об этом. Я знала, какая будет у него реакция. Я была еще тем агентом СОРП!

Парк, это место, куда мы с Виктором ходим, когда у кого-то из нас выдался плохой день. Это большой участок, аккуратно скошенной травы странной формы, с памятником в центре. Здесь нет ни тени, ни деревьев, ни скамеек, это скорее украшение, а не место для времяпровождения. Но летом, если вы не против получить от прохожих забавные взгляды, вы можете сесть на землю, закрыть глаза и почувствовать траву между пальцами, и это немного похоже на возвращение домой, в Новосибирск.

Однако, сейчас была осень, и небо было затянуто серыми тучами. Я плотнее закуталась в куртку, на улице было слишком холодно. У парка было еще одно преимущество, тут можно было уединиться.

Всю дорогу Виктору удавалось сдерживать свою ярость. Теперь он наконец-то дал волю.

– Ты, что, совсем потеряла свой разум? О чем ты думаешь?! – резко отрезал он.

– Я знаю, что делаю, Виктор, – ответила я ему. Но, я была уверена, что это ложь.

– Это Сергей Болконский, Елена. Его боятся другие криминальные авторитеты. Он и меня пугает. Он схватил меня за запястье и потащил за собой, пока шел по траве к памятнику.

– Смотри. Смотри!

Я посмотрела куда он показывал. Памятник представляет собой большую мемориальную плиту из черного мрамора, со списком имен, выгравированным на ней золотом. Имена агентов, погибших при исполнении служебных обязанностей.

– Ты хочешь быть одной из них? – он потребовал.

Я, вновь, пережила тошнотворный страх, когда Сергей схватил меня и прижал к стене, его грубая сила, ледяной холод в его глазах. Я почувствовала, что я не выдержу. Конечно, это была ошибка. Мне нужно было сказать Серафиме, что я отказываюсь это сделать.

Но, если я это сделаю, мы проиграем войну. Мы потеряем целый регион. И, все те, люди, которые погибнут в предстоящей войне между бандами..., их смерти будут на мне.

Кто-то должен был что-то сделать. Я была единственной, кто мог.

Я повернулась к Виктору.

– Если бы это был мужчина, за которого СОРП хотели бы выдать одного из наших агентов мужчин, и ты бы им подходил, ты бы сделал это?

Он раздраженно вздохнул и посмотрел на меня. Но, Виктор всегда отличался честностью.

– Да, я бы это сделал, – сказал он, наконец. – Но я – это я. Ты...

Он отвернулся, пристально глядя вдаль на долгие секунды.

– Ты, мой лучший друг, Елена. Человек, который мне дорог, – сказал он, наконец.

Я протянула руку и притянула его к себе, и он заключил меня в свои крепкие объятия. Когда я вернулась наверх, доктор Кириллов начал рассказывать мне об операции.

– Здесь нам нужно немного уменьшить кость, – сказал он, рисуя на моем носу волшебным маркером.

– И твой подбородок должен слегка приподняться. Он был почти ликующим, и меня это нервировало. Я для него всего лишь проект.

– Это будет... навсегда? – я спросила его.

Он наклонил голову набок, посмотрев на меня так, как будто ему даже в голову это не приходило. Наконец, он ответил. – Теоретически некоторые изменения можно отменить. Но, при каждой операции, существует риск ослабления основной костной структуры...

Я кивнула, чувствуя, что мне становится плохо. Я буду выглядеть как Марина. ВСЕГДА. Почему меня это беспокоило? Я не была красивой.

– Мы поправим немного твои скулы, – сказал доктор Кириллов, продолжая делать отметки на моем лице. – Тут..., тут... и тут!

Он протянул мне зеркало, и у меня свело желудок. Мое лицо представляло собой мешанину маркерных линий. Я уже почти не могла видеть себя.

Я посмотрела вниз, вспоминая еще одну деталь.

– Я, мм... я думаю, что моя грудь больше, чем у Марины, – неловко сказала я.

Доктор Кириллов покачал головой.

Я закусила губу. Он был талантливым врачом, но я знала свое тело. Бедра и талия у нее, может, и такие же, но, я клянусь, что моя чашка как минимум на размер больше.

– Может, нам стоит проверить...? – неуверенно спросила я.

– Я уверяю тебя, вы одинаковые, – сказал он сухо.

Я смиренно кивнула.

– Тебе также понадобится лазерная операция на глазах, – сказал он мне. – У Марины сто процентное зрение.

Я об этом даже не подумала. Больше никаких очков.

Все два дня, пока доктор Кириллов готовился к операции, я сидела за односторонним зеркалом и наблюдал за Мариной. Её пыталась допросить целая армия следователей СОРП, но, никто из них не смог добиться от неё ничего полезного. Я не понимала, почему она так предана Сергею Болконскому, ведь она его не любила. Страх перед тем, что он с ней сделает?

Я включила свой странный мозг в работу, замечая детали, которые делали её ею; то, как она проводила руками по волосам, когда думала. Как она элегантно ходила по комнате, пытаясь отвлечь следователей-мужчин своей походкой от бедра. Незаметно для всех, чувствуя себя смешно, я начала подражать ей.

Поначалу, мне не удавалось имитировать её голос. Она выросла в очень культурном районе Санкт-Петербурга, далеко от Новосибирска. Она разговаривала четко, как полированный скальпель, заставляя меня чувствовать себя неуклюжей и скучной. Затем, была её уверенность, когда она разговаривала. Там, где я бормотала и мычала, слова легко лились из её уст, соблазнительные и дразнящие в один момент, жестокие и холодные в следующий.

Но, я всегда была терпеливой. Я записала её разговор, надела наушники и включала, слушав её с закрытыми глазами, повторяя каждое предложение, как будто изучаю язык. И медленно, очень медленно мой язык начал усваивать новые формы слов.

Мимика стала почти абстрактной, как игра. Я почти забыла, зачем я это делаю. Затем, утром в день операции, произошло нечто, что заставило меня осознать все это.

Серафима отозвала меня в сторону и сунула мне в руку кусок фольги прямоугольной формы.

– Мы нашли это в багаже Марины, – сказала она мне. – Я подумала, что тебе следует знать, на случай, если тебе понадобится записаться на прием к врачу.

Я посмотрела на свою руку. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы распознать в них противозачаточные таблетки.

– Мм-м, – сказала я с холодным профессионализмом. – Спасибо.

Но, когда я уходила, мои ноги тряслись. Внезапно, все оказалось по-настоящему. Мне придется спать с Сергеем. И не предварительный, возьмем медленный, поэтапный секс новой пары. Он думал, что мы были любовниками уже несколько месяцев. Он ожидал, что я просто прыгну в постель и...

Жар, смешанный с первобытным страхом, пробежал по моему телу, и мне пришлось на секунду остановиться и прислониться к стене. Я действительно собираюсь это сделать?

В этот момент ко мне подбежал взволнованный Виктор с телефоном в руках.

– У нас проблема, – сказал он. – Сергей позвонил в больницу, во Франции, и потребовал поговорить с Мариной. Врачи сказали ему, что ей предстоит операция, но, он настаивает. Говорит, что пошлет туда кого-нибудь, если не сможет с ней поговорить.

– Мы могли бы позволить ему поговорить с Мариной, – сказала я. – Сказать ей, чтобы она передала Сергею, что все в порядке.

Но, Виктор мрачно покачал головой, и я осознала, что он прав. Как только у неё будет телефон в руках, мы не сможем помешать ей крикнуть ему предупреждение. Она не знала нашего плана, но могла сказать ему, что её арестовали. Это разрушило бы все дело. Но какой у нас был другой выбор?

Виктор протянул мне телефон.

У меня вылезли глаза.

– Нет! Виктор, я не готова! Нет! Нет!

– Ты должна! Если ты этого не сделаешь, нам конец!

Я посмотрела на него в ужасе..., а затем слабо кивнула.

Виктор пробормотал в трубку: – Соедините его.

Затем, он протянул её мне, и потащил меня в угловую комнату, где было тихо. Щелчок. Шипение.

А затем, я разговаривала с Сергеем Болконским.

Глава 7

Елена

У меня было всего несколько секунд, чтобы подготовиться. Я втянула свое горло и губы в спокойный, точный голос Марины.

– Алло?

Я думала, что это будет то же самое, когда я разговаривала с ним в гостинице. Я забыла, что тогда мы были чужими, теперь мы были любовниками. Его низкий голос донесся из динамика телефона, прямо мне в ухо, а оттуда прямо в пах, шокирующе интимно. Четыре слова, которые были такими нормальными, но, он сделал их признанием, не охотным признанием... слабости?

– Я скучал по тебе, – его голос сам по себе подобен оружию. сильный, властный и настолько глубокий, что кажется гортанным.

Я слотнула и закрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться на том, чтобы правильно произнести слова. – Я тоже скучала по тебе.

– Ты должна вернуться ко мне, – сказал он.

– Я вернусь, – ответила я.

Его голос напрягся от гнева.

– Врачи не давали мне с тобой поговорить.

– Мне предстоит операция, – сказала я ему. – Я не смогу говорить, пока все заживет. Но как только мне станет легче, я смогу вернуться домой.

– Я вспоминаю ту ночь, когда мы впервые встретились.

О, Боже, этот голос. Я знала, что мне нужно сосредоточиться, но было так легко потеряться в нем. Его голос всегда оказывал на меня физическое воздействие, но, когда он говорил вот так, тихо, ворчливо и интимно, это выходило на совершенно новый уровень.

И тогда, мне в голову пришла ужасная мысль; я понятия не имела, что произошло в ту ночь, когда они встретились. Батюшки!

– Ты выглядела такой маленькой на обочине дороги, – пробормотал Сергей. – Такой потерянной.

Его голос на секунду стал напряженным.

– Твой парень...

Я собирала историю по кусочкам так быстро, как только могла. Должно быть, парень Марины бросил её там, и Сергей нашел её.

– Мой парень был засранцем, – ответила я Сергею. Это казалось, вполне, безопасным ответом.

– Он был глуп, не знал, что у него есть, в отличии от меня. Как только, мы вернулись домой... ты помнишь, что я с тобой сделал?

– Конечно, я помню.

– Расскажи мне, – сказал он, его голос был настойчивым от похоти и желания.

О, Боже! Я понятия не имела. Я начала искать оправдание.

– Сергей, я не одна, – соврала я. – Вокруг меня врачи.

Я почти видела, как нахмурились его брови.

– Раньше тебя это никогда не беспокоило. Тебе нравится, когда люди слушают, – подозрительно сказал он.

Великолепно! Конечно, сексуальная, уверенная в себе Марина была еще и эксгибиционистом.

В отчаянии, я попробовала сказать правду: – Я бы предпочла услышать это от тебя, – сказала я ему. – Ты знаешь, мне нравится твой голос.

На секунду, воцарилось молчание, и я подумала, не ошиблась ли я. Но потом: – Прежде всего, я снял с тебя одежду. Твое платье в гостиной. Твой бюстгальтер на лестнице. Твои трусики я сорвал на кровати.

Я сглотнула.

– Мм-м.

Я знала, что мне нужно сосредоточиться. Одна ошибка, и он поймет, что-то не так. Но, его голос напоминал грубые куски черного камня, плавающие в потоке расплавленного серебра. Оно стекало прямо по моему телу, скапливаясь между ног. Боже, я чувствовала, как его большая рука рвет мои трусики, резинка растягивается, а затем лопаются... Я крепко сжала бедра и прислонилась спиной к двери. Боже, я была не в себе.

– Я взял тебя за лодыжки и потянул их вверх и назад. Он сделал акцент на эти слова, и я почти почувствовал, как открываюсь, почувствовала, как прохладный воздух комнаты касается моих складок.

– Я взял твою грудь в руки и очень медленно ласкал её вперед и назад, пока твои соски не начали царапать мои ладони.

Мои щеки стали алыми, дыхание затрудненным. Я чувствовала жар, пульсирующий между моими бедрами и превращающийся в скользкую влагу. Я знала, что он описывает её, а не меня, но это было не важно. Благодаря его голосу это происходило со мной, прямо здесь и сейчас. Я чувствовала грубое прикосновение его рук к моей груди, а под бюстгальтером, я почувствовала, как соски напрягаются и поднимаются.

– Я начал целовать твои бедра, опускаясь вниз. Затем, я начал медленно тебя лизать. Всего лишь кончиком языка, приоткрывая тебя...

Я посмотрела вокруг. Я была одна, никто из коллег не видел меня в таком виде, покрасневшую.

– Потом, мой языка начал продвигаться глубже, – продолжил Сергей.

Он произнес глубже таким голосом, что это почти было проникновением. Это пронзило мой разум, заставив меня задохнуться. Жар в паху превратился в невыносимую боль.

Я должна была это остановить. Боже, почему я не могу контролировать себя, когда вижу или слышу его. Это безумие. Я сотрудник СОРП, а не какая-нибудь школьница, влюбленная в плохого и красивого мальчишку.

– Остановись, – сказала я ему тяжело дыша. – Пожалуйста.

– Это была одна из прекраснейших ночей, – тихо произнес он.

– Я знаю.

Боже, какой контроль он имел надо мной, только с одним этим голосом....

– Иди и ложись на операцию, – сказал он мне. – Поправляйся. И вернись ко мне.

И, он повесил трубку.

Глава 8

Сергей

Я повесил трубку и несколько минут стоял у окна. Подо мной были заросшие сады особняка, но, я их толком не видел. Я думал о Марине. О моей слабости.

После этого, я поужинал, затем разделся и долго сидел в сауне. Мне многое нравилось в моем особняке на окраине Краснодара, но сауна была одной из моих любимых. Здесь, в основном, стояла сухая жара, и мне нравилось ощущать влажность и влагу на коже. Я прислонился спиной к деревянной стене, наслаждаясь ощущением потоотделения от стресса. Мое тело болело, некоторые части сильнее, чем другие, и жар позволил некоторым мышцам расслабиться.

Я скучал по ней. Я не хотел себе в этом признаваться, но это было так.

Именно ночью я скучал по ней больше всего. Во сне сложнее сохранять контроль. До Марины, даже когда меня вырубала водка, мне снились смутные, тревожные сны. холодная черная вода, которая засасывала меня и высасывала тепло из моего тела, пока ничего не оставалось.

Я спал с женщинами только ради того, чтобы успокоить нужду, но не позволял никому из них делить со мной постель, и никогда не встречался с одной и той же женщиной дважды. Это было бы слабостью. Затем, я встретил Марину на обочине дороги и отвез её обратно в особняк. Это должно было быть только на одну ночь.

Но, после секса с ней и коньяка, который мы совместно выпили, я заснул так глубоко, что, в эту ночь, кошмарные сны не терзали меня, а на следующее утро я все еще был вялым и пьяным.

По чистой случайности, я встретил своего идеального партнера. Марина была такой же холодной и безжалостной, как и я. Даже более жестокой, что мне не всегда нравилось, и ревнивой. Но эти качества означали, что у неё не было проблем с тем, кем я был и чем занимался. Кажется, ей даже нравилась моя репутация. Она не любила меня, и я не любил её. Ей не нужны были разговоры или романтика, её не волновало, что я весь день запираюсь в своем офисе, занимаясь своей империей. Она не возражала против моей одержимости, от того, что я брал солнечный регион город за городом, улицу за улицей, район за районом, захватывая все больше и больше власти, все, что угодно, чтобы заполнить ту открытую черную пустоту, где раньше было мое сердце.

Мы идеально подходили друг другу. И поэтому, я попросил ее остаться. Я знал, что никогда не буду с ней близок, потому что я никогда не буду близок ни с кем. Но, я обеспечил ее деньгами и одеждой, и она, похоже, была этим довольна.

С тех пор, как её не стало рядом, сны вернулись. Я знал, что нуждаться в ней – нуждаться в ком-то – это слабость, но, я ничего не мог с этим поделать.

Разговаривая с ней по телефону, слушая, как она учащенно дышит, пока я ей рассказываю о нашей совместной ночи, заставило меня застыть в штанах как железо. Прожить следующие пять недель будет адом. Когда она вернется, ей лучше быть готовой. Потому что, в тот самый момент, в ту самую секунду, когда ее самолет приземлился, я собирался помчаться с ней обратно в особняк и швырнуть её на кровать.

Глава 9

Елена

Пришло время операции. Я сидела на краю кровати в больничной рубашке и ждала доктора Кириллова. Виктор сидел в кресле рядом со мной, держа меня за руку, размышляя. Он молчал, а это означало, что наша миссия его сильно беспокоила.

Я посмотрела в зеркало на стене. Это последние несколько минут, когда я буду Еленой. Я пыталась сдержать панику, но, с течением времени, она поднималась все выше и выше в моей груди. Когда она достигло моего рта, я внезапно выпалила.

– Это всего лишь маскировка, верно?

Виктор сердито смотрел в пол. Он резко поднял голову, чтобы посмотреть на меня.

– Точно так же, как носить маску, – рассуждала я, но мой голос дрогнул. Маску, которую я никогда, никогда не смогу снять.

Виктор вскочил на ноги и приблизил свое лицо к моему.

– Скажи им, – приказал он. – Скажи им, что ты передумала. Это чертово безумие, Елена! Тебе не обязательно этого делать!

Все сомнения, которые я лелеяла, вспыхнули внутри меня. Это было безумием. Я даже не была полевым агентом. Я не могла стать похожей на кого-то, столь гламурного и сексуального, как Марина. Мое влечение к Сергею Болконскому делало все это еще более опасным. Чтобы осуществить задуманное, мне нужно будет оставаться объективной и отстраненной, и как я могла это сделать, когда он мог просто посмотреть на меня и заставить меня растаять? Одна ошибка, и я мертва...

В дверь ворвался доктор Кириллов, за ним последовал анестезиолог.

– Извините, мы немного опоздали, – весело сказал он. – Давайте начнем.

Виктор сильно сжал обе мои руки и пристально посмотрел на меня.

Я открыла рот... И подумала обо всех людях, которые могли погибнуть в войне между бандами, если мы не остановим Сергея Болконского.

Я сглотнула. И, легла на стол.

Анестезиолог протер мою руку, и я почувствовала укол иглы.

– Считай в обратном порядке от десяти, – сказал он мне.

Я дошла до семи, обеспокоенное лицо Виктора расплывалось и искажалось передо мной.

И потом, ничего.

Я провела пять дней в тумане тяжелых обезболивающих, все мое лицо было забинтовано, а в ноздрях были установлены трубки, чтобы убедиться, что опухоль в моем новом носу не задушит меня. В какой-то момент, повязку с моих глаз на мгновение сняли, и свет от оборудования осветил их ярким оранжевым светом. Затем, тьма вернулась.

Наконец, туман, казалось, рассеялся. Я осознавала, что меня переводят в сидячее положение, а затем, с моего лица снимают повязки, слой за слоем. Я открыла глаза. После столь долгого пребывания в темноте, все казалось ослепительно ярким, но затем, все успокоилось и прояснилось в ясных, четких деталях. Доктор Кириллов склонился надо мной, провел кончиками пальцев по моим щекам и удовлетворенно улыбнулся. Виктор тоже был в палате, и выглядел мрачным. Серафима сидела рядом на черном кожаном кресле.

– Все прошло удачно, – сказал доктор Кириллов. – С тобой все будет хорошо.

Я слабо кивнула.

– Можно посмотреть?

Он передал мне ручное зеркало.

Я поднесла его к лицу и... Все не так. Неправильно.

Все не так, на инстинктивном, примитивном уровне. Не так, не так, не так!

Как будто реальность откатилась в сторону, как поезд, вылетевший на другой путь. Двадцать семь лет я смотрела в зеркала и видела себя. Теперь, кто-то еще смотрел на меня из стекла, и шок, и потеря были как удар в живот. Я потеряла себя. В ушах у меня звенело, и я поняла, что кричу, и не могу остановиться. Где была я, куда я делась?!

Виктор осторожно схватил меня за одну руку. Доктор Кириллов быстро и эффективно схватил за другую. Позади них, Серафима прижала руку ко рту, её лицо было бледным.

– Елена, у тебя нормальная реакция на серьезную операцию на лице, – сказал мне доктор Кириллов. – Попробуй дышать.

Я отшвырнула зеркало в сторону и услышала, как оно разбилось о стену. Затем, я вырвалась из их рук и вскочила с кровати, шатаясь на ногах, которые не ходили несколько дней.

– Верните все обратно! – я закричала. Я отступила к стене. – Верните мне мое лицо! Верните его обратно! Верните лицо обратно! – истерично кричала я.

Мне хотелось вцепиться в свое новое лицо, разорвать его и молиться, чтобы я все еще была там, под ним.

– Я дам ей успокоительное, – сказал доктор Кириллов в панике. Затем, Виктору: – Держи её!

Сильные руки Виктора схватили меня. Я почувствовала, как что-то кольнуло на руке.

И потом, темнота.

На следующий день, когда я отоспалась от успокоительного, я попросила, чтобы меня отпустили домой, сказав, что чувствую себя гораздо спокойнее и лучше. Виктора я не смогла обмануть, и он устроил еще один громкий скандал с Серафимой в коридоре, возле моей комнаты, но она и доктор Кириллов отклонили его настойчивую просьбу оставить меня в палате и выписали меня. Они хотели верить, что со мной все в порядке.

Поначалу, приехав домой, я подпрыгивала каждый раз, когда ловила свое отражение в мониторе компьютера или стеклянной двери шкафа. Отвратительная, жестокая неправильность этого захлестнула меня, и у меня чуть не случился очередной приступ. Но, человеческий мозг пугающе адаптируем. Всего через несколько часов мои реакции на новое начали стихать. Когда той ночью, я легла спать и увидела свое новое лицо, в темном экране телефона, реакция на лицо была уже без страха и паники.

Это было чуть ли не страшнее, чем сходить с ума.

На следующее утро, когда я проснулась, я начала искать свои очки на тумбочке у кровати, и не смогла их нащупать. Я открыла глаза, посмотрела на поверхность тумбочки... я все четко видела. Именно тогда я вспомнила, что они мне больше не нужны. Это должно было бы дать ощущение освобождения, но, убирая их в ящик, я не могла не почувствовать боль утраты.

Несколько часов назад, Серафима прислала багаж Марины из её поездки в Париж. Чемодана было четыре, и каждый был наполнен умопомрачительно дорогой одеждой от лучших дизайнеров. платьями и блузками, свитерами и юбками. Боже, даже нижнее белье у неё было великолепное. Я решила примерить платье в качестве пробы. Я надела его, оно прекрасно село на мне. Но... черти. Я была права. Моя грудь была больше, чем у неё. Все будет немного тесновато, и некоторые вещи, с глубоким вырезом, я не смогу надеть. Это была не вина доктора Кириллова. Я могла представить, как Марина позирует как модель на каждом фото, сделанным фотографом СОРП, умело выпячивая грудь, чтобы она казалась больше, чем была на самом деле, в то время как наш фотограф краснел и что-то бормотал. А я, тем временем, изо всех сил старалась скрыть свой бюст под бесформенной одеждой. Неудивительно, что он переоценил её и недооценил меня. А что, если Сергей заметит?

Один чемодан был полон туфель, большая часть из которых была на высоких каблуках, и мне нужно было попрактиковаться, чтобы ходить в них. Я взяла пару наугад и...

О, нет... Боже!

Я попробовала другую пару, но они оказались не лучше. Марина была на размер обуви меньше меня. И, мы об этом не подумали.

Никто не подумал измерить размер наших ног. Черт! Как все мы могли пропустить что-то, настолько очевидное? На данный момент, я могла бы купить несколько пар на замену, но, когда я доберусь до особняка, ни одна из пар обуви Марины мне не подойдет. Я рухнула от отчаяния на диван, сердце колотилось в груди. О чем, еще, мы не подумали? Если я все испорчу, если я хоть немного не так буду изображать Марину, Сергей узнает об этом.

По дороге на работу я заехала в парикмахерскую, куда меня записала Серафима и покрасила волосы в светлый оттенок, подстригла и уложила их так же, как у Марины. С моим недавно сделанным лицом, эффект был сверхъестественным.

Когда я подошла к столу Виктора, он взглянул на меня и вскочил на ноги. Впервые, он увидел полный эффект и потянулся за пистолетом, думая, что Марина, каким-то образом, сбегала. Потом, он просто грустно посмотрел на меня.

– Неплохо, правда? – пошутила я. – Теперь, я смогу узнать, каково это входить в десятку красивых людей.

Его рот сжался. – Ты и так была...

Я нахмурилась, с любопытством.

Он отвернулся и покачал головой.

– Ничего.

Он махнул рукой на платье, на волосы, на все это.

– Это хорошо. Ты похожа на неё.

И он повернулся и пошел прочь.

Следующие две недели я тренировалась ходить, как она, смеяться, как она, встряхивать волосами, как она. Я полностью погрузилась в Марину, и не позволяла себе выйти на поверхность, как актер, который не выходит из роли. Это был единственный способ сделать это вовремя. Мы пригласили эксперта по прическам и макияжу, и она научила меня пользоваться высококачественными продуктами, которыми пользовалась Марина. Ухаживание за собой, все процедуры, которые делала Марина обещали стать кошмаром, но мне пришлось к этому привыкнуть. Вошел татуировщик, его джинсы и футболка не сочетались с офисом СОРП. Я встала на колени верхом на стуле, поморщившись, пока он татуировал кобру на моей пояснице.

Я работала над своей осанкой, стараясь ходить прямо и гордо, с высоко поднятой головой. Я сделала свои движения плавными и соблазнительными, а не неуклюжими и порывистыми. Пока я ходила по зданию, люди из других отделов – люди, которые сотни раз видели меня в образе Елены и игнорировали меня, теперь пытались завязать со мной разговор. Вот что значит быть красивой? Но это было еще не все. Я держала себя по-другому, я стала смотреть в глаза. Я больше не пряталась.

Но, у меня постоянно было ощущение, что все неправильно. Я находилась в постоянной жуткой панике. Как я смею быть в центре внимания? В любую секунду, все поймут, что я притворяюсь, увидят, что я никто, и посмеются надо мной. Но, я заставила себя продолжать.

Утром, когда я должна была войти в жизнь Сергея Болконского, у меня зазвонил телефон.

– Алло? – ответила я.

Тишина на другом конце. Затем, осторожно.

– Елена?

Господи! Это была моя мама, и я все еще была в образе Марины. Я, снова, переключилась на Елену.

На мгновение, я почувствовала себя испуганной, маленькой и беспомощной. Хотела прижаться к ней и забыть все происходящее.

Но затем, я восстала сама против себя. Я призналась себе, что была напугана – я была напугана до смерти, но будь я проклята, если окажусь беспомощной.

В какой-то неприятный момент, я не могла услышать голос Елены Николаевой. После нескольких недель, проведенных с этим безупречным, точным голосом, я забыла, как я говорю. Затем он встал на место.

– Мама!

– С тобой все в порядке, дочка? – спросила она.

Я не могла ей сказать. Я даже намекнуть не могла, что делаю и что собираюсь сделать. Потеря отца разорвала её на части. Если бы она тоже думала, что я в опасности...

– Я в порядке. Просто простуда. Слушай, нас отправляют на обучающий курс. Несколько недель, может быть, месяц...

Я сказала ей, что обязательно положу на её банковский счет достаточно денег, чтобы покрыть все медицинские расходы, пока меня не будет. Дела были напряженными, счета были огромными, а моя зарплата в СОРП была невысокой. Из-за этого, роскошный образ жизни Марины казался отвратительным. Я собиралась жить как миллиардер, но, в то же время, едва могла заботиться о своей маме.

Виктор прибыл с моими билетами на самолет. Сергей ожидал увидеть, как я сойду с рейса из Парижа, поэтому, мне пришлось прилететь туда, затем вернуться в Краснодар, где у Сергея был неприступный особняк, и встретить его в аэропорту.

Он передал мне крошечный наушник, размером не больше рисового зернышка, и помог закрепить его в ухе так, чтобы его не было видно.

– На другом конце сети круглосуточно кто-то будет. Ты не будешь одна, – сказал он мне. – И, большую часть времени это буду я.

Я благодарно кивнула Виктору.

Он показал мне багаж Марины, а затем потайное отделение, которое он встроил в один из чемоданов. Внутри было мое удостоверение СОРП и пистолет.

– На случай, если что-то пойдет не так, – сказал он мне.

Я побледнела. Господи, я ни разу в жизни не стреляла из пистолета. Виктор терпеливо объяснил мне, как обращаться с ним и нацеливаться, а я смотрела, кивала и старалась не выглядеть испуганной. Если Сергей Болконский меня заподозрит, и поймет кто я, успею ли я вообще им воспользоваться?

Виктор настоял на том, чтобы отвезти меня в аэропорт. Мы спустились на лифте в вестибюль, прошли через него и...

– Черт!

Он попытался затолкать меня обратно в лифт, но двери уже закрылись. Что? Что он увидел такого, что его напугало?

И тут, воздух пронзил оглушительный крик. Я обернулась и...

Еще одно из этих ужасающих изменений реальности. Пол словно подкосился, комната закружилась. Я смотрела на себя, но это было не зеркало...

Марина. Настоящая Марина. Её вели через вестибюль в наручниках, с каждой стороны её держал агент за руку. И, она смотрела на меня точно так же, как я смотрела на неё.

– Что вы делаете? – заорал Виктор агентам. – Выводите её с заднего выхода, придурки!

Но, было уже поздно.

Однако, ущерб был нанесен. Марина на секунду побледнела, но затем, её лицо окрасилось гневом.

– Нет! – закричала она.

Марина попыталась броситься на меня. Двум агентам пришлось побороться с ней, чтобы оттащить её обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.